Диана Уинн Джонс
Diana Wynne Jones
ХОДЯЧИЙ ЗАМОК

Диана Джонс

Ходячий замок

«Азбука-Аттикус»
1986

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Джонс Д. У.

Ходячий замок / Д. У. Джонс — «Азбука-Аттикус»,
1986 — (Ходячий замок)

Книги английской писательницы Дианы У. Джонс настолько ярки, что так и просятся на экран. По ее бестселлеру «Ходячий замок» знаменитый мультипликатор Хаяо Миядзаки («Унесенные призраками»), обладатель «Золотого льва» – высшей награды Венецианского фестиваля, снял анимационный фильм, побивший в Японии рекорд кассовых сборов.…Софи живет в сказочной стране, где ведьмы и русалки, семимильные сапоги и говорящие собаки – обычное дело. Поэтому, когда на нее обрушивается ужасное проклятие коварной Болотной Ведьмы, Софи ничего не остается, как обратиться за помощью к таинственному чародею Хоулу, обитающему в Ходячем замке. Однако, чтобы освободиться от чар, Софи предстоит разгадать немало загадок и прожить в замке у Хоула гораздо дольше, чем она рассчитывала. А для этого нужно подружиться с огненным демоном, поймать падающую звезду, подслушать пение русалок, отыскать мандрагору и многое, многое другое.

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

© Джонс Д. У., 1986
© Азбука-Аттикус, 1986

Содержание

Два слова для Стивена 7
Глава первая, в которой Софи беседует со шляпками 8
Глава вторая, в которой Софи вынуждена отправиться на поиски счастья 16
Глава третья, в которой Софи попадает в замок и заключает некую сделку 24
Глава четвертая, в которой Софи обнаруживает несколько странностей 31
Глава пятая, перенасыщенная всяческой уборкой 36
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Диана Уинн Джонс
Ходячий замок

DIANA WYNNE JONES
HOWL'S MOVING CASTLE

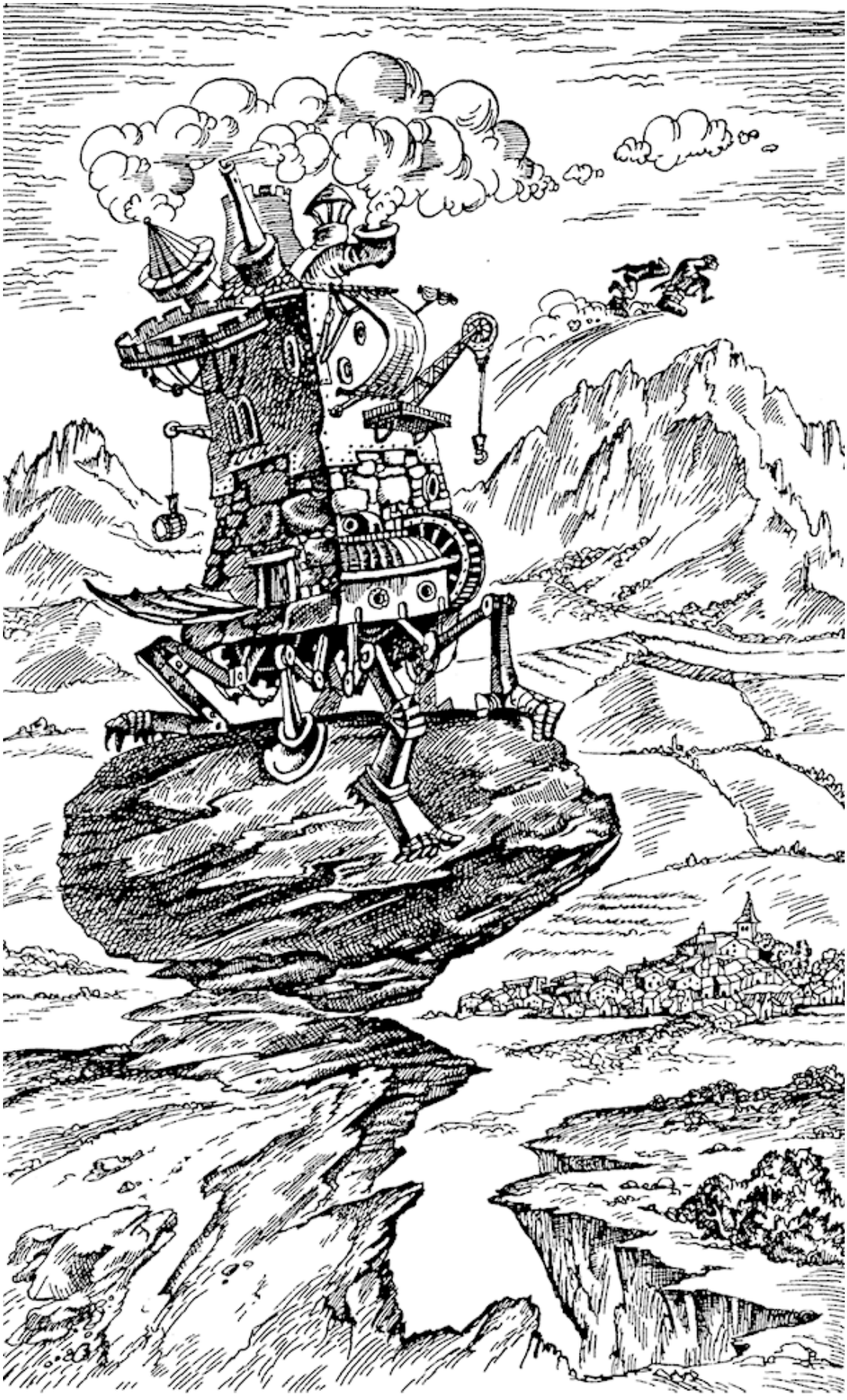
Copyright © Diana Wynne Jones 1986

All rights reserved
This edition is published by arrangement with
Laura Cecil Literary Agency and The Van Lear Agency

Иллюстрации Елены Гозман
Иллюстрации на обложке Марии Глиняновой
© А. Бродоцкая, перевод, 2005
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящаю своей бабушке
Анастасия Бродоцкая



Два слова для Стивена

Идею этой книги мне подсказал один мальчик, когда я пришла к нему в школу на встречу с читателями. Он попросил меня написать книгу под названием «Ходячий замок».

Я записала его имя и фамилию и спрятала бумажку в таком надежном месте, что с тех пор мне ее нипочем не найти.

Я бы хотела от всей души его поблагодарить.

Глава первая, в которой Софи беседует со шляпками

В стране Ингарии, где взаправду существуют диковины вроде семимильных сапог и шапок-невидимок, родиться старшим из троих детей – изрядное невезение. Каждому понятно, что, если все трое отправятся на поиски счастья, именно тебя первого ждет провал – и провал самый что ни на есть сокрушительный.

Софи Хаттер была старшей из трех сестер. И ладно бы она родилась в семье бедного дровосека – это сулило бы хоть какую-то надежду на успех. Напротив, родители Софи были люди вполне обеспеченные и держали лавку дамских шляпок в процветающем городке под названием Маркет-Чиппинг. Правда, родная мама Софи умерла, когда малышке было два, а ее сестренке Летти – всего-то годик, и тогда отец женился на младшей продавщице, прехорошенькой блондинке по имени Фанни. Очень скоро Фанни родила третью сестру – Марту. Это должно было превратить Софи и Летти в Злых Старших Сестриц, – само собой, страшных дурнушек, – но на самом деле все три девочки выросли очень даже симпатичные, хотя никто не сомневался, что самой красивой была все-таки Летти. Фанни одинаково нежно относилась ко всем трем девочкам и не выделяла Марту ничем и никогда.

Мистер Хаттер гордился своими дочками и отправил их в лучшую школу в городе. Софи оказалась самой прилежной. Она очень много читала и довольно скоро выяснила, как мало у нее шансов на интересное будущее. Для Софи это стало большим разочарованием, однако и такой жизнью она была вполне довольна – приглядывала за сестренками и готовила Марту к достойной встрече счастливой судьбы: ведь она-то знала, что эта встреча непременно грядет. Поскольку Фанни постоянно была занята в лавке, Софи приходилось все время присматривать за младшими. А младшие частенько ссорились и даже таскали друг друга за волосы. Летти вовсе не собиралась мириться с грозящей ей неудачей – ведь было ясно, что и ее вслед за Софи ждет сокрушительный провал.

– Это нечестно! – кричала она. – Ну и что, что Марта – младшая? Разве она из-за этого лучше нас? Вот возьму и выйду за принца, тогда узнаете!

В ответ Марта раздраженно фыркала, что уж она-то сумеет несказанно разбогатеть безо всякого принца. И Софи приходилось их растаскивать и чинить им платьица. С иголкой она управлялась очень ловко. Скоро она уже сама обшивала сестер. На прошлый Майский праздник, незадолго до начала нашей истории, Софи сшила для Летти темно-розовый наряд, про который Фанни сказала, что он прямо как из самого дорогого магазина в Кингсбери.

Примерно тогда же снова пошли разговоры про Болотную Ведьму. Рассказывали, будто Ведьма грозилась убить дочь короля и будто король велел своему придворному магу, кудеснику Салиману, отправиться на Болота и разобраться с Ведьмой. И судя по всему, кудесник Салиман не то что с Ведьмой не разобрался, но и вовсе погиб от ее руки.

Поэтому, когда через несколько месяцев на холмах близ Маркет-Чиппинга внезапно объявился высокий черный замок, изрыгая из четырех высоких тонких башен облака черного дыма, все были уверены, что это Ведьма снова снялась с Болот и теперь будет терроризировать всю округу, как она уже делала лет этак пятьдесят назад. В Маркет-Чиппинге и вправду перепугались. Никто не выходил из дому один, особенно по ночам. Страшнее всего было то, что замок не стоял на месте. Иногда он черным пятном маячил на торфяниках на северо-западе, иногда нависал над скалами на востоке, а иногда спускался с холмов и сидел среди вереска прямо за последней к северу фермой. Иногда было даже видно, как он движется, а из башен так и валят грязнющие черные клубы дыма. Некоторое время все думали, что того и гляди замок спустится прямо в Долину, и мэр начал поговаривать о том, что надо бы послать к королю за подмогой.

Но замок продолжал бродить в холмах, и вот стало известно, что на самом деле Болотная Ведьма тут совсем ни при чем: замок принадлежит вовсе не ей, а чародею Хоулу. Хоул был очень злой чародей. Хотя он пока вроде бы не собирался покидать холмы, все знали, что излюбленная его забава – похищать юных девушек и высасывать из них души. А некоторые говорили, будто он пожирает их сердца. Он был самый что ни на есть бессердечный и бессовестный чародей: стоило ему застать девушку врасплох – и ей конец. Софи, Летти и Марте, как и всем другим девушкам в Маркет-Чиппинге, было строго-настрого запрещено выходить за порог в одиночку, что их ужасно злило. Вот интересно, посмеивались они, для чего это чародею Хоулу нужно столько похищенных душ.

Однако вскоре их стало занимать совсем другое, потому что мистер Хаттер умер, как раз когда Софи готовилась навсегда распрощаться со школой. Тут-то и оказалось, что мистер Хаттер основательно погорячился, гордясь своими дочками. Из-за школьных счетов лавка была по самую крышу в долгах. После похорон Фанни села в гостиной – их дом был соседний с лавкой – и разъяснила дочкам положение вещей.

– Боюсь, из школы вас придется забрать, – печально объявила она. – Я тут все подсчитала – и как ни верти, хоть сверху вниз, хоть слева направо, все равно выходит, что, если я хочу и дела вести, и вас как следует пристроить, придется отдать вас в подмастерья в хорошие места. Оставить вас, всех трех, при лавке непрактично. Это мне не по средствам. И вот что я решила. Сначала Летти…

Летти подняла глаза, так и лучась красотой и здоровьем, которых не могли скрыть ни горе, ни траурное платье.

– Я бы хотела учиться дальше, – сказала она.

– И будешь, ласточка, – заверила ее Фанни. – Я договорилась так, что тебя возьмут в ученицы в кондитерскую Цезари на Рыночной площади. Всем известно, что с подмастерьями они обращаются по-королевски, так что тебе там будет очень хорошо, да и ремесло это полезное. Миссис Цезари – отличная покупательница и добрый друг, и она согласилась сделать мне одолжение и взять тебя.

Летти рассмеялась – так, что тут же стало ясно: ничуточки она не рада.

– Что ж, спасибо, – хмыкнула она. – Хорошо еще, что я люблю готовить.

Фанни вздохнула с облегчением. Иногда Летти бывала просто ужасно несговорчивой.

– Теперь Марта, – продолжала она. – Я понимаю, что для работы ты еще мала, поэтому долго думала, как бы устроить тебя так, чтобы ты училась подольше и поспокойнее и чтобы потом это тебе обязательно пригодилось, чем бы ты ни решила заняться. Помнишь мою школьную подружку Аннабель Ферфакс?

Марта, тоненькая и белокурая, уставилась на Фанни большими серыми глазами почти так же несговорчиво, как Летти.

– Это та, которая все время трещит? – уточнила она. – Разве она не ведьма?

– Да, у нее еще премиленький домик и куча клиентов по всей Подгорной Лощине, – поспешно закивала Фанни. – Она очень добрая женщина, Марта. Она научит тебя всему, что знает, и скорее всего познакомит со своими влиятельными друзьями из Кингсбери. Ты будешь устроена наилучшим образом!

– Да, она ничего, – неохотно согласилась Марта. – Хорошо.

А Софи, слушая этот разговор, думала, что Фанни сделала все в точности как надо. Летти, средней сестре, ничего особенного в жизни не светило, вот Фанни и определила ее туда, где она скорее всего повстречает симпатичного молодого приказчика, выйдет за него замуж и будет жить долго и счастливо. Марте, обреченной на успешные поиски счастья, очень пригодятся и влиятельные друзья, и умение колдовать. А что касалось самой Софи – так сама Софи в своем будущем не сомневалась. Так что она вовсе не удивилась, когда Фанни сказала:

– Милая Софи, будет только справедливо, если ты унаследуешь лавку, когда я уйду на покой, – ведь ты старшая. Поэтому я решила, что сама возьму тебя в ученицы и дам возможность досконально изучить наше ремесло. Ну как это тебе?

Не то чтобы Софи казалось, будто она рождена для шляпного дела, но тем не менее она горячо поблагодарила Фанни.

– Ну вот, все и улажено! – обрадовалась Фанни.

На следующий день Софи помогла Марте уложить платья в коробку, и наутро все они провожали телегу возчика, на которой сидела будущая ведьма – маленькая, прямая, перепуганная. Ведь путь к Подгорной Лощине, где жила миссис Ферфакс, лежал через холмы, как раз мимо Ходячего замка чародея Хоула. Еще бы Марте не бояться.

– Все будет хорошо, – сказала Летти. От помощи в укладке вещей она отказалась, и когда телега возчика скрылась из виду, Летти просто затолкала все свои пожитки в наволочку и заплатила шесть пенсов соседскому мальчишке, чтобы он откатил их в тачке в кондитерскую миссис Цезари на Рыночной площади.

Летти шагала за тачкой, и вид у нее был куда бодрее, чем ожидала Софи. По правде сказать, казалось, что Летти даже рада отряхнуть со своих ног прах шляпной лавки.

Мальчишка вернулся от Летти с корявой запиской, где говорилось, что она сгрузила свои платья в общей девичьей спальне и что у Цезари ах как весело. Неделю спустя возчик привез письмо от Марты, где сообщалось, что Марта благополучно добралась до места и что миссис Ферфакс «просто прелесть и во все снадобья кладет мед. У нее пчелы». А потом Софи довольно долго ничего о сестрах не слышала, поскольку в день, когда уехали Марта и Летти, началось и ее собственное обучение.

Само собой разумеется, в шляпном ремесле Софи разбиралась уже неплохо. Еще совсем крошкой она постоянно носилась по двору, где вымачивали заготовки и натягивали их на болванки, а из воска и шелка делали цветы, фрукты и прочие украшения. Она знала всех, кто там работал. Многие из них служили в лавке еще с тех пор, как ее папа был мальчиком. Она знала Бесси, единственную оставшуюся продавщицу. Она знала покупательниц, выбиравших шляпки, и возчика, который привозил из деревни шляпы из сырой соломки – потом их сушили на болванках в сарае. Она знала всех остальных поставщиков и как делают фетр для зимних шляп. Фанни уже почти ничему не надо было ее учить – разве что наилучшим способам уговорить покупательницу приобрести шляпку.

– Даму надо подводить к нужной шляпке потихоньку, ласточка, – говорила Фанни. – Сначала покажи те, что не очень-то ей идут, – тогда она сразу почувствует, в чем разница, когда примерит нужную.

Вообще-то Софи не очень часто приходилось продавать шляпки. После того как она пару дней провела в мастерской, а потом вместе с Фанни побывала в магазине тканей и у торговца шелком, Фанни посадила ее украшать шляпки. Софи сидела в нише в задней комнате лавки, пришивая розочки к чепчикам и вуалетки к велюру, притачивая шелковые подкладки и выкладывая изящные букеты из тряпичных цветов, лент и восковых ягод. У нее отлично получалось. Ей это очень нравилось. Но понемногу Софи становилось одиноко и немножко скучно. С теми, кто работал в мастерской, оказалось не больно-то весело: они были староваты и к тому же обращались к ней как к человеку несколько постороннему и вообще будущей хозяйке. Бесси держалась с ней так же. Эта Бесси и говорить-то была способна только о фермере, за которого собиралась замуж через неделю после Майского праздника. Софи немного завидовала Фанни, которая в любую минуту могла упорхнуть из лавки к торговцу шелком.

Интереснее всего было слушать разговоры покупательниц. Ведь никак невозможно купить шляпку и при этом не посплетничать. Софи сидела в своей нише, проворно орудуя иголкой, и слушала, что мэр терпеть не может зелень, что замок чародея Хоула опять переместился в холмы и что неужели этот негодяй и правда… И шу-шу-шу, и шу-шу-шу… Едва раз-

говор заходил про чародея Хоула, голоса неизменно понижались, но Софи все равно поняла, что месяц назад он поймал-таки в долине одну девушку. «Синяя борода!» – шептали покупательницы и снова начинали говорить в полный голос – опять эта дурочка Джейн Ферье невесть что учинила со своей прической. Вот уж на кого чародей Хоул никогда глаз не положит, не говоря уже о порядочных мужчинах. А потом – тихонечко, боязливо – добавляли пару слов о Болотной Ведьме. Софи начинало казаться, что между чародеем Хоулом и Болотной Ведьмой есть какая-то связь.

– Похоже, они просто созданы друг для друга. Вот бы кто-нибудь их просватал, – говорила она той шляпке, которая была у нее в работе.

Однако к концу месяца сплетничали в лавке уже исключительно о Летти. Судя по всему, в кондитерской Цезари день и ночь толпились разные господа, и каждый из них закупал целые горы пирожных, требуя, чтобы обслуживала его именно Летти. Ей сделали десять предложений руки и сердца, разнившихся по калибру от сына мэра до парнишки-подметальщика, и она всем отказала, заявив, что еще слишком молода и неопытна и ничего не может решить.

– Что ж, с ее стороны это разумно, – сказала Софи чепчику, к которому как раз пришивала плоеную оборку.

Фанни подобным новостям очень радовалась.

– Уж у кого-кого, а у нее-то наверняка все сложится наилучшим образом! – радостно восклицала она. Софи вдруг подумала, как Фанни, должно быть, рада тому, что Летти здесь больше нет.

– Летти бы очень вредила торговле, – объяснила Софи чепчику, украшая его шелковыми лентами розовато-серого, как сыроежка, оттенка. – Она бы даже в тебе, старушечка-дурнушечка, была писаной красавицей. Другие дамы глядели бы на нее и огорчались.

Шли недели, и Софи все чаще и чаще беседовала со шляпками. Больше ей не с кем было говорить. Фанни почти целыми днями пропадала по делам или стояла за прилавком, стараясь подхлестнуть торговлю, а Бесси хлопотала, как пчелка, и лезла ко всем подряд со своими предсвадебными мечтами. У Софи появилась привычка, закончив шляпку, надевать ее на болванку, так что получалась как будто бы голова без тела, а потом для разнообразия рассказывать шляпке, на ком она будет красоваться. Софи немного льстила шляпкам, ведь и покупательницам тоже нужно льстить.

– У вас такой загадочный вид, – говорила она вуалетке с еле заметными блестками. – Вы выйдете замуж за настоящего богача! – обещала она широкополой кремовой шляпе с пышным букетом под полями. А ядовито-салатную соломенную шляпку с кудрявым зеленым пером уверяла: – Вы свежи, как майская роза!

Софи рассказывала розовым чепчикам, как они пикантны и обаятельны, а модным бархатным шляпам – как они остроумны и необычны. Она нашла слова утешения и для того самого плоеного чепчика с сыроежечными лентами.

– У тебя золотое сердце, – сказала ему Софи. – И однажды стра-а-а-ашно знатная персона – граф или герцог – разглядит это и полюбит тебя!

Софи было жалко этот чепчик. Очень уж он вышел нелепый и незатейливый.

На следующий день в лавку зашла Джейн Ферье и купила сыроежечный чепчик. Прическа у нее действительно странновата, думала Софи, украдкой выглянув из своей ниши, – вид такой, будто Джейн накрутила волосы на кочергу. Зря она выбрала именно этот чепчик, бедняжка. Однако в те дни всем вдруг понадобились новые шляпки. То ли Фанни так здорово умела уговаривать, то ли весна настала, но дела в лавке определенно шли в гору.

– Зря я поторопилась и отослала Летти и Марту, – немного виновато говорила Фанни. – При таком наплыве покупателей без них трудновато управиться.

Кончался апрель, приближался Майский праздник, Софи надела скромное серое платье и тоже встала за прилавок. Однако спрос был такой, что в каждую свободную минутку ей приходилось убегать в нишу и украшать новые шляпки, а по вечерам она брала работу домой и при свете лампы сидела до поздней ночи, пришивая розы и оборки, чтобы было что продавать завтра. Большой популярностью пользовались ядовито-салатные шляпки вроде той, которую купила себе супруга мэра, а также розовые чепчики. А за неделю до Майского праздника одна из покупательниц потребовала себе чепчик с сыроежечными лентами, в точности такой, какой был на Джейн Ферье, когда она повстречала графа Каттеракского.

Тем вечером, орудуя иголкой, Софи призналась себе, что жизнь у нее скучновата. Она перестала разговаривать со шляпками и вместо этого примеряла их все перед зеркалом. Зря она это делала. Строгое серое платье совсем не шло Софи, особенно когда глаза у нее краснели от работы, а поскольку волосы у нее были золотисто-рыжие, ей не подходили ни ядовито-салатные, ни розовые тона. А сыроежечные оборки делали из нее настоящее чучело.

– Прямо старая дева! – ахнула Софи. Не то чтобы ей так уж нравилась мысль бегать за графами, как Джейн Ферье, или морочить головы половине города, чтобы потом разбивать сердца, как Летти. Однако ей хотелось что-то сделать – не важно что, только пусть оно будет хоть капельку интереснее, чем украшать шляпки. И вот Софи решила на следующий день выкроить часок и сбегать поболтать с Летти.

Но ей это не удалось. То ли времени не хватило, то ли сил, то ли Софи вдруг показалось, будто Рыночная площадь лежит за семью морями, то ли она вспомнила, что одной выходить из дому нельзя из-за чародея Хоула, – так или иначе, с каждым днем собраться повидать сестру становилось все труднее и труднее. Это было очень странно. Софи всегда думала, что у нее такая же сильная воля, как и у Летти. А теперь оказалось, что кое-что она способна сделать только тогда, когда нет другого выхода.

– Чушь какая! – сказала себе Софи. – Рыночная площадь отсюда в двух кварталах! И если бегом… – И она твердо постановила, что сходит к Цезари, когда лавка закроется на Майский праздник.

Между тем до лавки дошли новые слухи. Говорили, будто король повздорил со своим братом принцем Джастином и принц отправился в изгнание. Из-за чего они поссорились, было неизвестно, только принц и вправду месяца два назад проезжал через Маркет-Чиппинг инкогнито, и никто его не узнал. Граф Каттеракский, оказывается, прибыл сюда по приказу короля, чтобы отыскать принца, а вместо этого повстречал Джейн Ферье. Софи слушала и грустила. Вечно все интересное случается с другими. Но повидать Летти ей все равно хотелось.

Настал Майский праздник. С самого рассвета на улицах началось веселье. Фанни ушла рано, а Софи еще надо было доделать пару шляпок. За работой она пела. В конце концов, Летти сейчас тоже работает. По праздникам кондитерская Цезари открыта до полуночи.

Куплю себе их знаменитое сливочное пирожное, решила Софи. Тысячу лет не ела пирожных. Она глядела на толпившихся за окном гуляк в ярких нарядах, лоточников с безделушками, акробатов на ходулях, и ей и вправду стало весело.

Но когда Софи наконец набросила на серое платье серую шаль и вышла на улицу, хорошее настроение у нее как корова языком слизнула. Софи совсем растерялась. Кругом бурлила толпа, стоял хохот и крик, было невыносимо шумно и страшно тесно. Софи показалось, будто несколько месяцев сидения и шитья превратили ее в старуху или калеку. Она куталась в шаль и жалась поближе к домам, чтобы ей не оттоптали ноги парадными туфлями и не затолкали локтями в разлетающихся хвостатых шелковых рукавах. Когда откуда-то сверху раздался громовой залп, Софи чуть в обморок не упала. Она подняла голову и увидела замок Хоула: он высился на холме у самого города, так близко, словно взгромоздился прямо на печные трубы.

Из всех четырех башен замка хлестало голубое пламя – его языки взлетали в небо и там взрывались, и это было очень страшно. По всей видимости, Майский праздник был чародею Хоулу не по нраву. Или, наоборот, ему хотелось поучаствовать – на свой манер. Софи было все равно – так она перепугалась. Если бы она не прошла уже половину пути до Цезари, то вернулась бы домой. И Софи бросилась бежать.

С чего только я вбила себе в голову, будто жизнь должна быть интересной, спрашивала она себя на бегу. Я же такая трусиха! А все потому, что я старшая!

На Рыночной площади стало еще хуже – насколько это вообще было возможно. На площади располагалось большинство увеселительных заведений. Молодые люди расхаживали по ней с пивным чванством, взметывая плащами и длинными рукавами, притопывая башмаками с пряжками, которые в будний день им бы и в голову не пришло надеть, громогласно отпуская шуточки и приставая к девушкам. Девушки чинно гуляли парочками, ожидая, когда к ним наконец пристанут. Майский праздник шел своим чередом, но Софи и это испугало. И когда молодой человек в невероятном костюме, голубом с серебром, заметил Софи и решил пристать и к ней, та метнулась к дверям какой-то лавки и попыталась спрятаться.

Молодой человек в недоумении вздернул бровь.

– Не бойся, серая мышка, – сказал он и усмехнулся, с жалостью глядя на нее. – Хотел угостить тебя стаканчиком. Ну что ты так перепугалась?

От его жалости Софи сделалось ужасно стыдно. К тому же молодой человек был совершенно потрясающий: с узким, умудренным жизнью лицом – Софи он показался очень взрослым, сильно за двадцать, – и волосами изысканного белокурого оттенка. Хвосты рукавов у него были самые длинные на площади, все фестончатые и с серебряными вставками.

– Ах, спасибо, сэр, вы очень любезны, – промямлила Софи. – Я… я иду навестить сестру.

– Разумеется, ступайте, – рассмеялся умопомрачительный юноша. – Разве я вправе мешать прекрасной даме увидеться с сестрой? Быть может, вы позволите проводить вас, ведь вы так напуганы?

Намерения у него были самые добрые, однако Софи застыдилась еще сильнее.

– Нет! Нет, спасибо, сэр! – выдохнула она и ринулась мимо него прочь по улице. Ко всему прочему молодой человек был надушен. Запах гиацинтов так и преследовал Софи. Какой утонченный, думала она, пробираясь между столиками, выставленными на площади перед окнами Цезари.

За столиками не пустовало ни местечка. Внутри тоже было не продохнуть и так же шумно, как на площади. Софи сразу поняла, где именно в шеренге продавщиц стоит Летти, потому что на прилавок перед ней облокотилась, отпуская шуточки, целая компания фермерских сынков. Летти, еще более похорошевшая и, кажется, чуточку похудевшая, лукаво улыбаясь, проворно раскладывала пирожные, ловко завязывала пакеты и, вручая покупки, отвечала на шуточки. Стоял хохот. Софи пришлось силой проталкиваться к прилавку.

Летти ее увидела. На какой-то миг показалось, что она потрясена до глубины души. Потом глаза у Летти распахнулись, улыбка стала еще шире, и она воскликнула:

– Софи!

– Можно с тобой поговорить? – закричала Софи. – Где-нибудь! – беспомощно добавила она, когда могучий нарядный локоть грубо отпихнул ее от прилавка.

– Секунду! – крикнула в ответ Летти. Она повернулась к напарнице-продавщице и что-то ей шепнула. Продавщица кивнула, просияла и встала на место Летти.

– Придется вам довольствоваться мной! – сообщила она толпе. – Кто следующий?

– А я хочу поболтать с вами, Летти! – завопил кто-то из фермерских сынков.

– Поболтайте пока с Кэрри, – предложила Летти. – А мне надо поболтать с сестрой, а не с вами!

Никто особенно не возражал. Покупатели протолкнули Софи к дальнему концу прилавка, где сестра уже манила ее рукой, подняв перегородку, и наказали не держать Летти до вечера. Когда Софи протиснулась за перегородку, Летти обхватила ее за талию и утащила в заднюю комнату, где громоздились бесконечные деревянные лотки с шеренгами пирожных. Летти выдвинула откуда-то две табуретки.

– Сядь, – велела она. Потом протянула руку к ближайшему лотку, не глядя, и вручила Софи сливочное пирожное. – Тебе понадобится, – почему-то добавила она.

Софи плюхнулась на табуретку, вдыхая густой аромат пирожных и чувствуя, что не прочь поплакать.

– Ой, Летти! – всхлипнула она. – Я так рада тебя видеть!

– Ну а я рада, что ты сидишь, – ответила Летти. – Понимаешь, я не Летти. Я Марта.

Глава вторая, в которой Софи вынуждена отправиться на поиски счастья

– Что? – пискнула Софи и уставилась на сидящую напротив девушку. Девушка выглядела совсем как Летти. На ней было Леттино голубое платье, почти самое лучшее, – восхитительного голубого оттенка, который так ей шел. У нее были Леттины темные волосы и Леттины синие глаза.

– Я Марта, – повторила ее сестра. – Кого ты застукала за разрезанием Леттиного шелкового шарфа? Я Летти про это не рассказывала. А ты?

– Нет, – пролепетала Софи. Она была совершенно огорошена. Теперь она точно знала, что это Марта. У Леттиной головы был Мартин наклон, и это Марта, а не Летти имела обыкновение сцеплять руки на коленях и вертеть большими пальцами друг вокруг друга. – А как так…

– Я ужасно боялась, что ты ко мне придешь, – продолжала Марта. – Потому что уж тебе-то я наверняка во всем бы созналась. Дай слово, что ты никому не расскажешь. Ты ведь не расскажешь, если дашь слово. Ты такая честная.

– Честное слово, не расскажу, – кивнула Софи. – Но зачем?.. И как?..

– Это мы с Летти устроили, – начала Марта, вертя большими пальцами, – потому что Летти хотела учиться колдовать, а я – нет. Летти страшно умная и собирается и дальше жить своим умом, да только поди скажи это маме! Мама так завидует Летти, что даже и мысли не допустит, будто она умная!

Софи не верилось, что Фанни настолько ревнива, но она решила не задавать лишних вопросов.

– А ты как же?

– Ешь пирожное, – сказала Марта. – Оно вкусное. Понимаешь, у меня тоже голова немного варит. Так что нужное снадобье я нашла у миссис Ферфакс уже через две недели. Я ее книжки по ночам тайком читала, и ничего сложного в этом нет. Потом я попросила разрешения навестить сестру, и миссис Ферфакс согласилась. Она просто лапочка. Решила, что я скучаю по дому. Ну вот, взяла я это снадобье для перемены наружности и осталась здесь, а Летти поехала к миссис Ферфакс и притворилась, будто она – это я. Первую неделю было страшно трудно: я ведь ничего не знала, а все считали, что знаю. Ужас. Но потом оказалось, что я людям нравлюсь, – а так оно и бывает, если они тебе нравятся, – и все стало хорошо. Да и миссис Ферфакс пока что Летти не выгнала, – наверное, она там молодцом.

Софи вяло жевала пирожное, не чувствуя вкуса.

– А почему ты так сделала?

Марта покачалась на табуретке, улыбаясь от одного Леттиного ушка до другого и вертя пальцами так быстро, что получался развеселый розовый вихрь.

– А я хочу замуж и десять детей.

– Но ты же еще маленькая! – удивилась Софи.

– Пока что да, – согласилась Марта. – Только, понимаешь, если хочешь успеть родить десятерых, начинать надо пораньше. А так у меня будет время подождать и понять, правда ли тот, кто мне понравится, любит меня просто потому, что я – это я. Снадобье постепенно перестает действовать, и я буду чем дальше, тем больше похожа на себя.

Софи была так потрясена, что доела пирожное, даже и не распробовав его толком.

– А почему десятерых? – оторопело спросила она.

– Потому что я хочу именно столько, – отвечала Марта.

– А я и не знала!

– Да лучше мне было об этом помалкивать, ведь ты горой стояла за маму и вбила себе в голову, будто мне предстоит отправляться на поиски счастья, – заявила Марта. – То есть это ты думала, что мама меня готовит к счастливому будущему. Да я и сама сначала так считала, а когда папа умер, сразу поняла: она просто хочет как можно скорее от нас избавиться – Летти запихнула туда, где вечно толчется куча мужчин и кто-нибудь скоро возьмет ее замуж, а меня и вовсе отослала подальше! Я так разозлилась, что решила: а почему бы и нет? Ну и поговорила с Летти, а она разозлилась ничуть не меньше, вот мы все и устроили. Теперь мы обе страшно довольны. Только из-за тебя нам совестно. Понимаешь, ты ведь ужасно умная и милая, и нечего тебе всю жизнь торчать в шляпной мастерской. Мы об этом говорили, но так ничего и не придумали.

– Да я отлично живу! – заверила ее Софи. – Разве что скучновато бывает.

– Отлично?! – воскликнула Марта. – Уж конечно отлично, если ты здесь полгода не появлялась, а потом приплелась в этом жутком сереньком платьишке и шали, и вид у тебя такой, будто ты даже меня боишься! Что мама с тобой сделала?

– Ничего, – смутилась Софи. – Мы были очень заняты. Марта, нехорошо так говорить о Фанни. Она же твоя мать.

– Да, она моя мать, и я на нее здорово похожа, так что неплохо ее понимаю, – сердито отозвалась Марта. – Именно поэтому она и отослала меня подальше – по крайней мере, постаралась это сделать. Мама прекрасно знает: если хочешь кого-то эксплуатировать, вовсе не обязательно плохо с ним обращаться. Она прекрасно знает, какая ты вся из себя исполнительная и обязательная. Она прекрасно знает, что ты вбила себе в голову эту ерунду – ну, будто бы ты старшая дочь и поэтому законченная неудачница. Она обвела тебя вокруг пальца и заставила на нее работать. Вот на что угодно спорим – она тебе не платит!

– Но я же пока в ученицах! – возразила Софи.

– Я тоже, но у меня жалованье, – отрезала Марта. – Потому что Цезари понимают, что я его заслуживаю. Эта ваша шляпная лавка в последнее время деньги лопатой гребет – а все ты! Это ведь ты сделала ту зеленую шляпку, в которой жена мэра выглядит как первая красавица на выпускном балу?

– Такую ярко-салатную? Ну да, я ее украшала, – кивнула Софи.

– И еще чепчик, который был на Джейн Ферье, когда она повстречала своего графа! – не унималась Марта. – По части шляпок и одежды ты просто гений, и мама прекрасно это знает! Ты подписала себе приговор, когда к прошлому Майскому празднику сшила Летти тот розовый наряд! А теперь ты зарабатываешь деньги, а мама гуляет себе на воле…

– Она делает закупки! – ахнула Софи.

– Закупки! – закричала Марта. Пальцы у нее так и мелькали. – Да на это одного утра в неделю довольно! Я же видела ее, Софи, и слышала, что о ней говорят. Она выезжает в наемной карете, разряженная в пух и прах на твои денежки, и ходит с визитами во все особняки! Говорят, она хочет купить тот большой дом в Долине и отделать его по последней моде! А ты куда денешься?

– По-моему, Фанни вполне заслужила отдых и удовольствия – она ведь нас растила, а это было трудно, – рассудила Софи. – Наверное, лавка тогда достанется мне.

– Ах какая завидная судьба! – ехидно воскликнула Марта. – Слушай…

Но в этот самый миг два пустых лотка отъехали на дальний конец комнаты, и в образовавшийся промежуток откуда-то сзади просунулся подмастерье.

– Вроде я слышал твой голосок, Летти, – сказал он, улыбаясь от уха до уха – дружески, но не без заигрывания. – Передай там, что новая партия уже поспела, ладно? – Кудрявая голова, присыпанная мукой, снова исчезла.

Софи подумалось, что этот подмастерье очень даже ничего. Ей страшно хотелось спросить, не относится ли он к тем, кто понравился Марте, но она не успела. Марта, продолжая говорить, поспешно поднялась.

– Надо кликнуть девочек и оттащить все в лавку, – объяснила она. – Помоги, а? Возьмись с того конца… – Она потянула на себя ближайший лоток, и Софи помогла ей пронести его в битком набитую шумную лавку. – Надо тебе что-то с собой сделать, Софи, – пыхтела Марта на ходу. – Летти все время твердит, что прямо места себе не находит – как-то ты без нас? Мы-то старались внушить тебе хоть капельку самоуважения… Значит, она правильно волновалась!

В лавке лоток у них приняла миссис Цезари, ухватив его за бортики могучими руками, – она что-то прокричала, и мимо Марты в кладовую метнулась толпа народу, чтобы принести новые лотки. Софи изо всех сил завопила «до свиданья!» и стала проталкиваться к выходу. Отнимать у Марты время и дальше было бы нехорошо. Кроме того, Софи надо было побыть одной и подумать. Она помчалась домой. Уже начались фейерверки – их запускали с Ярмарочного луга у реки, словно бы стараясь затмить голубое пламя, вырывавшееся из башен замка Хоула. Софи снова почувствовала себя старухой – даже сильнее, чем раньше.

Софи все думала и думала, она провела за этим занятием всю следующую неделю, но в результате только окончательно запуталась и рассердилась. Ведь теперь вообще все на свете обстояло совсем не так, как она думала. Марта и Летти ее просто потрясли. Оказывается, за столько лет она даже не научилась их понимать! Однако поверить, будто Фанни именно такова, как ее описывала Марта, у Софи не вышло.

Времени на размышления было сколько угодно, потому что Бесси в должное время взяла отпуск, чтобы сыграть свадьбу, и Софи осталась одна. Фанни и вправду очень часто уходила, – может, гуляла, а может, и нет, – а после Майского праздника торговля пошла на убыль. Через три дня Софи набралась храбрости и спросила Фанни:

– А можно мне уже получать жалованье?

– Конечно, ласточка, ведь ты столько работаешь! – ласково воскликнула Фанни, поправляя перед зеркалом в лавке широкополую шляпу с цветами. – Вот сегодня вечером я разберусь со счетами, тогда и посмотрим. – И она убежала и вернулась только тогда, когда Софи закрыла лавку и забрала домой оставшиеся на сегодня недоделанные шляпки.

Поначалу Софи было стыдно, что она слушала Марту, но когда Фанни так и не заговорила о жалованье – ни тем вечером, ни через неделю, – Софи начала подумывать, что Марта, возможно, права.

– Может быть, меня и эксплуатируют, – говорила она очередной шляпке, обтягивая ее алым шелком и украшая восковыми вишнями, – но ведь кто-то же должен вас делать, а то нечего будет продавать!

Она закончила алую шляпку и взялась за следующую, шикарную, черно-белую, и тут ее осенила совершенно новая мысль.

– Предположим, продавать будет нечего – ну и что тогда? – спросила Софи у шляпы. Она оглядела шеренгу готовых шляп на болванках и груду недоделанных шляп в углу. – Ну и что в вас хорошего? – горько спросила она. – Какой мне от вас прок? Одни неприятности!

Софи была на волосок от того, чтобы сбежать из дому и отправиться на поиски счастья, но вовремя вспомнила – она же старшая дочь, и никакого толку все равно не будет. И она со вздохом взялась за следующую шляпку.

На следующее утро она была в лавке одна и по-прежнему страшно злилась, и тут ворвалась молоденькая покупательница самого простецкого вида, крутя за ленты плоеный сыроежечный чепчик.

– Вы только поглядите! – закричала эта юная леди. – Вы мне говорили, что Джейн Ферье была в таком же точно чепчике, когда повстречала своего графа! Все врете! Ничего такого со мной не случилось!!!

– И ничего удивительного, – ответила Софи, от неожиданности не сумев сдержаться. – Если вы такая дура, что с вашим-то лицом носите такие чепчики, у вас не хватит мозгов заметить самого короля, хоть он у вас в ногах валяйся, если, конечно, он не превратится в камень от одного взгляда на вас!

Покупательница остолбенела. Потом она запустила чепчиком в Софи и выскочила из лавки. Софи аккуратно убрала чепчик в мусорную корзину. Дышать ей было почему-то тяжеловато. Правило гласит: потеряешь терпение – потеряешь клиента. Только что Софи убедилась – это истинная правда. Однако она сама не ожидала, как это, оказывается, приятно.

Опомниться Софи не успела. Послышались скрип колес и стук лошадиных копыт, и в лавке стало темно: окно заслонила карета. Зазвенел колокольчик, и в дверь вплыла роскошнейшая покупательница – Софи таких никогда и не видела. С плеч покупательницы ниспадала соболья накидка, а тугое черное платье так и сверкало бриллиантами. Взгляд Софи в первую очередь приковала широкополая шляпа дамы – она была отделана настоящими страусиными перьями, окрашенными так искусно, что они оттеняли розовые, зеленые и голубые блики бриллиантов и при этом оставались черными. Очень дорогая шляпа. Лицо дамы было продуманно прекрасным. Ореховый оттенок волос очень молодил ее, только вот… Взгляд Софи переместился на спутника дамы, который вошел в лавку вслед за ней, – она увидела рыжеватого юношу, одетого очень элегантно, но бледного и явно ужасно расстроенного. Он взглянул на Софи с мольбой и ужасом. Юноша был гораздо моложе дамы. Софи оторопела.

– Мисс Хаттер? – спросила дама голосом мелодичным, но властным.

– Да, – ответила Софи. Вид у юноши стал еще более расстроенный. Вероятно, дама была его матерью.

– Я слышала, вы продаете просто божественные шляпки, – пропела дама. – Покажите.

Софи недостаточно владела собой, чтобы отважиться на ответ. Она вышла навстречу покупательнице и стала демонстрировать шляпки. Ни одна из них, конечно, не соответствовала роскошному облику дамы, к тому же молодой человек не сводил с Софи глаз, и ей было страшно неловко. Чем скорее дама убедится, что здесь ей ничего не найти, тем скорее эта пара наконец уйдет. Следуя совету Фанни, Софи начала с самых неподходящих.

Дама сразу же начала отвергать шляпки одну за другой.

– Обаяшка, – фыркнула покупательница в адрес розового чепчика. – Майская роза, – припечатала она ядовито-салатную соломку. А вуалетке с блестками заявила: – Загадочный вид. Как банально. А что вы еще можете предложить?

Софи предъявила ей шикарную черно-белую шляпку – единственную, которая была способна хоть сколько-то заинтересовать такую роскошную даму.

Дама презрительно оглядела шляпку.

– Подобный убор не к лицу решительно никому. Вы зря отнимаете у меня время, мисс Хаттер.

– Я делаю это только потому, что вы пришли ко мне в лавку и попросили показать шляпы, – возразила Софи. – Видите ли, сударыня, это маленькая лавка в маленьком городке. Зачем вообще… – Тут молодой человек, стоявший за спиной у дамы, ахнул и замахал руками, словно пытаясь предостеречь Софи. – Зачем вообще было брать на себя труд заходить к нам? – закончила Софи, и ей стало интересно, что же теперь будет.

– Я всегда беру на себя труд наказать тех, кто смеет перечить Болотной Ведьме, – отчеканила дама. – Премного наслышана о вас, мисс Хаттер, и мне не по душе ни конкуренция, ни ваши умонастроения. Я пришла остановить вас. Так вот же вам. – И она протянула руку и взмахнула ею у Софи перед лицом.

– Вы хотите сказать, что вы и есть Болотная Ведьма? – затрепетала Софи. От ужаса и изумления у нее что-то случилось с голосом.

– Да, – отвечала дама. – И пусть это научит вас не лезть в мои дела.

– А разве я в них лезла? Что за чушь! – прокаркала Софи. Теперь молодой человек глядел на нее в полной панике, но она никак не могла взять в толк, что это с ним.

– Никаких недоразумений, мисс Хаттер, – сказала на это Ведьма. – Пойдем, Гастон. – Она повернулась и устремилась к выходу. Пока юноша униженно открывал перед Ведьмой дверь, она снова обернулась к Софи. – Кстати, вы не сможете никому рассказать, что вас заколдовали, – добавила она.

И дверь за ней захлопнулась с похоронным звоном.

Софи потрогала лицо, чтобы узнать, отчего молодой человек так испугался. Пальцы нащупали мягкие дряблые морщинки. Софи поглядела на руки. Они тоже были сплошь в морщинках и ужасно костлявые, с раздутыми венами на тыльной стороне и узловатыми пальцами. Софи подобрала подол серой юбки и увидела хилые тощие лодыжки и расшлепанные ступни, от которых башмаки стали все бугристые. Это были ноги девяностолетней старухи, и ноги самые что ни на есть настоящие.

Софи кинулась к зеркалу – и тут же выяснилось, что теперь ей приходится ковылять. Лицо в зеркале показалось ей абсолютно спокойным, потому что ничего другого она и не ожидала увидеть. Это было лицо сухопарой старухи, изможденное, бурое, в ореоле легких седых волос. На Софи глядели ее собственные глаза – желтые, слезящиеся, – и выражение в них было довольно-таки трагическое.

– Не бойся, старушка, – успокоила Софи свое отражение. – Вид у тебя здоровый. К тому же это больше отражает твою подлинную сущность.

Она обдумала свое положение – совершенно спокойно. Все кругом сделалось тоже совершенно спокойным и каким-то далеким. Софи даже не особенно сердилась на Болотную Ведьму.

– Само собой, если представится случай, надо будет с ней поквитаться, – сказала себе Софи. – Но если уж Летти и Марта согласны быть друг дружкой, я тоже смогу пока что пожить в таком виде. Только здесь мне оставаться нельзя. У Фанни будет удар. Так. Это серое платье вполне годится, но надо еще взять с собой шаль и что-нибудь поесть.

Софи подковыляла к двери лавки и аккуратно повесила на нее объявление «Закрыто». Суставы у нее скрипели на ходу. Идти приходилось согнувшись и медленно. Однако Софи было приятно обнаружить, что она очень крепкая старуха. Она не чувствовала ни малейшей слабости – только скованность. Софи проковыляла за шалью и накинула ее на голову и плечи, как носят старухи, а потом зашаркала в дом, взяла там кошелек с несколькими монетками и немножко хлеба с сыром. Она вышла за порог, тщательно спрятав ключ в условленном местечке, и заковыляла по улице, дивясь собственному спокойствию.

А не сходить ли попрощаться с Мартой, подумала Софи. Однако даже представить себе, что Марта ее не узнает, было невыносимо. Софи решила, что напишет сестрам, как только доберется туда, куда идет, и зашаркала через Ярмарочный луг, и через мост, и дальше, в поля за рекой. Был теплый весенний денек. Даже став старой каргой, Софи, как выяснилось, не утратила способности радоваться пейзажу и майским ароматам живых изгородей, – правда, пейзаж был какой-то нечеткий. Спина у нее начала болеть. Софи упрямо ковыляла вперед, однако палка бы ей совсем не помешала. Она поглядывала на заборы – не найдется ли там расшатавшейся жердины.

Судя по всему, глаза у нее были уже не те, что прежде. Ей показалось, будто она видит впереди какую-то палку или шест, но стоило ей дойти до него, как выяснилось, что это нижний конец старого пугала, которое кто-то выбросил в кусты. Софи подняла пугало. Вместо лица у него была увядшая репа. Софи почувствовала определенное душевное родство с беднягой. Она не стала разбирать пугало и отнимать у него палку – наоборот, воткнула его между ветками, и вот пугало лихо замаячило у дороги, а дырявые рукава на палках-руках так и развевались над кустами.

– Ну вот, – кивнула Софи, и надтреснутый старушечий голос немало ее позабавил, потому что внезапно разразился надтреснутым старушечьим хохотком. – Ни на что особенное мы с тобой уже не годимся. Правда, дружище? Может быть, если я пристрою тебя там, где тебя все видят, ты и вернешься на свое поле. – Она заковыляла дальше, но тут у нее возникла одна мысль, и пришлось возвратиться. – И если бы я не была обречена на неприятности исключительно по семейным обстоятельствам, ты бы сейчас ожил и помог бы мне найти свое счастье, – сообщила она пугалу. – Но я все равно желаю тебе, дорогое Пугало, удачи.

Уходя прочь, она еще немного похихикала. Ну и что, если у нее теперь не все дома? Со старушками такое случается сплошь и рядом.

Палку себе она нашла примерно через час, когда присела на кочку передохнуть и поесть хлеба с сыром. Из живой изгороди у нее за спиной доносился какой-то шум: придушенный визг, а следом отчаянные рывки, от которых с веток облетали майские цветочки. Софи подползла на костлявых коленях поглядеть сквозь листья, цветы и колючки в гущу разросшейся живой изгороди и обнаружила там тощего серого пса. Пес попал в ужасную ловушку: в обвязанной вокруг его шеи веревке каким-то образом запуталась палка, и эта палка намертво застряла между двумя ветками, так что пес едва мог двигаться. Он уставился безумными глазами прямо в любопытное лицо Софи.

Девушкой Софи боялась собак. Даже теперь, став старушкой, она здорово перепугалась, заметив два ряда белых клыков в оскаленной пасти зверя. Но она сказала себе: «В моем нынешнем положении уж об этом-то беспокоиться не следует», – и нащупала в кармане ножницы. Протянув руку с ножницами в глубь куста, она попыталась разрезать веревку на шее пса.

Пес совсем ошалел. Он отшатнулся от нее и оскалил зубы. Но Софи храбро продолжала кромсать веревку.

– Ты умрешь от голода или задохнешься, дружище, если не дашь мне ее разрезать, – сказала она псу надтреснутым старушечьим голоском. – Честно говоря, я думаю, что кто-то уже пытался тебя задушить. Может, от этого ты и не в себе.

Веревка была обмотана вокруг собачьей шеи очень туго, а палка ужасно запуталась. Щелкать ножницами пришлось довольно долго, но наконец веревка распалась надвое, а пес выбрался из западни.

– Хочешь хлебца с сыром? – спросила тогда Софи. Но пес только рыкнул на нее, протиснулся к противоположной стороне живой изгороди, вылез из кустов на волю и крадучись удалился. – Тоже мне благодарность! – проворчала Софи, потирая занемевшие руки. – Но ты мне все равно подарочек-то оставил! – Она вытянула из кустов злополучную палку и обнаружила, что это самая настоящая трость, прекрасно отполированная и с кованым наконечником. Софи доела хлеб и сыр и отправилась дальше. Склон становился все круче, и трость оказалась очень кстати. Софи бодро ковыляла вперед, болтая на ходу с тростью. В конце концов, старушки часто разговаривают сами с собой.

– Ну вот, уже две встречи, – бурчала она, – и хоть бы какая-нибудь волшебная награда. Хотя ты-то – хорошая палка. Ты не думай, я не брюзжу. Просто мне наверняка предстоит и третья встреча – не знаю, волшебная ли. По правде говоря, я настаиваю – мне полагается еще одна встреча! Интересно, что это будет.

Третья встреча произошла к концу дня, когда Софи зашла уже довольно далеко в холмы. По выгону навстречу ей шел, насвистывая, какой-то деревенский житель. Вот пастух, решила Софи, он возвращается домой после работы. Это был ладный парнишка лет сорока. «Ну и ну! – сказала себе Софи. – Еще нынче утром я бы решила, что он старик! Надо же, все, оказывается, зависит от того, как посмотреть!»

Когда пастух увидел бормочущую себе под нос Софи, он предусмотрительно посторонился, попятившись аж до дальнего конца выгона, и очень-очень сердечно окликнул ее:

– Вечер добрый, матушка! Куда путь держите?

– Матушка? – удивилась Софи. – Я вам не матушка, молодой человек!

– Это такое выражение, – испугался пастух, прижимаясь к ограде и на цыпочках двигаясь вниз по склону. – Я всего-навсего хотел учтиво поинтересоваться, далеко ли вам еще идти, ведь уже скоро вечер, а вы все в пути. Вам же никак не поспеть в Верхние Горки до заката, правда?

Софи это в голову не приходило. Она остановилась на тропе и задумалась.

– Не важно, – сказала она, обращаясь отчасти к себе самой. – Когда отправляешься на поиски счастья, становится не до мелочей.

– Да что вы говорите, матушка! – воскликнул пастух. Он уже миновал Софи, и от этого ему явно полегчало. – Тогда желаю вам всяческих успехов, матушка, если, конечно, ваше счастье не имеет касательства к тому, чтобы наводить порчу на чужой скот! – И он двинулся вниз по склону – очень широкими шагами, почти бегом, но не совсем.

Софи возмущенно поглядела ему вслед.

– Подумать только – он решил, будто я ведьма! – поделилась она с тростью. Ей даже захотелось пугнуть пастуха, крикнув ему вслед какую-нибудь гадость, но это было бы с ее стороны как-то нехорошо. Софи двинулась вверх по холму, бормоча себе под нос. Вскоре изгороди кончились, начались голые бугры, а дальше открылась вересковая пустошь, за которой виднелись крутые уступы, поросшие желтой шуршащей травой. Софи мрачно шла вперед. Узловатые старые ноги сильно разболелись, и спина тоже, и колени. Софи так утомилась, что перестала бормотать и просто тащилась вперед, задыхаясь, пока солнце не зависло над самым горизонтом. И вдруг Софи отчетливо поняла, что ей больше ни шагу не ступить.

Она плюхнулась на камень у дороги, недоумевая, что же теперь делать.

– Никакого счастья мне сейчас не нужно, кроме удобного кресла! – выдохнула она.

Камень оказался чем-то вроде смотровой площадки, с которой Софи открывался великолепный вид на пройденный путь. Перед ней в лучах заходящего солнца простиралась чуть ли не вся Долина, сплошь поля, живые изгороди и заборы, изгибы реки, великолепные богатые особняки, сияющие среди садов, и все это до самых синих гор в дальней дали. Прямо у ее ног раскинулся Маркет-Чиппинг. Софи глядела на знакомые улицы. Вот и Рыночная площадь, и кондитерская Цезари. Можно было бы бросить камешек в трубу дома по соседству со шляпной мастерской.

– Надо же, как близко! – в досаде сказала Софи своей трости. – Столько топать – и все ради того, чтобы поглядеть на собственную крышу!

Солнце садилось, и на камне становилось холодно. Неприятный ветер, казалось, дул со всех сторон, как Софи ни уворачивалась. Она поймала себя на том, что все больше и больше задумывается о кресле у камина, а еще о ночной тьме и диких зверях. Но даже если бы она решила возвращаться в Маркет-Чиппинг, все равно добраться туда ей удалось бы не раньше глубокой ночи. С тем же успехом можно идти дальше. Она вздохнула и кряхтя поднялась. Это было ужасно. У нее болело все.

– Понятия не имела, с чем старикам приходится мириться! – простонала Софи, взбираясь на холм. – Впрочем, волки меня не тронут. Я для них чересчур суха и костлява. И то утешение!

Стремительно спускалась ночь, и вересковые пустоши стали серовато-голубыми. Ветер усилился. Пыхтение Софи и хруст ее суставов громко отдавались у нее в ушах, и она не сразу расслышала, что некоторую долю хруста и пыхтения производит кто-то совсем другой. Она подняла голову и подслеповато прищурилась.

Через пустошь к ней направлялся, скрежеща и рокоча, замок чародея Хоула. Из его черных башен возносились к небесам тучи черного дыма. Замок был ужасно высокий, тонкий, тяжелый, уродливый и зловещий. Софи оперлась на трость и уставилась на него. Она не особенно испугалась. Ей было даже интересно, как это он передвигается. Но главное – она поняла, что весь этот дым означает: где-то за высокими черными стенами непременно имеется большой очаг.

– А почему бы и нет? – спросила она у трости. – Едва ли чародею Хоулу так уж нужна моя душа. Он же похищает только юных девушек!

Она подняла трость и властно помахала ею замку.

– Стой! – закричала она.

Замок послушно зарокотал, заскрежетал и остановился примерно в пятидесяти футах выше Софи по склону. Софи обрадованно заковыляла к нему.

Глава третья, в которой Софи попадает в замок и заключает некую сделку

В черной стене, обращенной к Софи, виднелась огромная черная дверь, и она бодро заковыляла туда. Вблизи замок оказался даже уродливее, чем издалека. Для такой ширины он был явно высоковат и к тому же неправильных очертаний. Насколько Софи могла различить в сгущающейся тьме, построили замок из больших камней, черных, вроде угля, и, как и уголь, все эти камни были разного размера и формы. Когда Софи подошла поближе, от стен на нее дохнуло холодом, но этим Софи уж точно было не испугать. Она напомнила себе о креслах и каминах и нетерпеливо протянула руку к двери.

Рука не смогла ее коснуться. Какая-то невидимая преграда остановила ее примерно в футе от двери. Софи раздраженно потянулась к ней пальцем. Когда все равно ничего не вышло, она потянулась палкой. Судя по всему, невидимая преграда закрывала дверь целиком – от самого верха, куда Софи могла дотянуться палкой, и до порога, из-под которого выбивался примятый вереск.

– Открывайся! – прокаркала Софи.

На невидимую преграду это не произвело ни малейшего впечатления.

– Хорошо, – сказала тогда Софи. – Я найду, где у тебя черный ход. – Она заковыляла к тому углу замка, который виднелся от нее по левую руку, потому что он был и ближе, и чуточку ниже по склону. Но свернуть за угол ей не удалось. Невидимая преграда остановила ее снова, как только она поравнялась с шероховатыми угловыми камнями. Тут уж Софи произнесла слово, которому научилась от Марты и которое не полагается знать ни старушкам, ни юным девушкам, и захромала вверх по склону, противосолонь, к правому углу. Преграды там не оказалось. Софи повернула за этот угол и отчаянно заковыляла к следующей большой черной двери в середине следующей стены.

Перед той дверью тоже была невидимая преграда.

Софи сердито уставилась на дверь.

– По-моему, это страшно негостеприимно, – высказалась она.

Из-за зубчатой стены валил черный дым. Он начал стелиться по земле. Софи закашлялась. Теперь она разозлилась по-настоящему. Она была стара и слаба, она замерзла, и у нее все болело. Спустилась ночь, а этот замок сидел себе и пускал в нее дымом.

– Я пожалуюсь Хоулу! – заявила Софи и яростно зашаркала к третьему углу. Там преграды тоже не было, – судя по всему, замок следовало обходить против часовой стрелки, – однако в третьей стене, чуть сбоку, виднелась еще одна дверь. Эта дверь была гораздо меньше и обшарпанней первых двух.

– Ага, вот наконец и черный ход! – выдохнула Софи.

Но стоило Софи добраться до этой двери, как замок снова начал двигаться. Земля задрожала. Стена затряслась и заскрипела, и дверь начала уплывать от Софи в сторону.

– Не смей! – закричала Софи. Она подбежала к двери и стала яростно колотить в нее тростью. – Открывайся! – завопила она.

Дверь резко отворилась внутрь, продолжая уплывать куда-то вбок. Софи яростно заковыляла вслед и все-таки сумела поставить одну ногу на порог. Она прыгнула, сорвалась и прыгнула снова, а черные камни вокруг двери тряслись и скрипели, потому что замок набирал скорость по неровному склону. Софи стало понятно, почему он такой кособокий. Чудо, что он еще не развалился.

– Нельзя же так обращаться с собственным домом! – возмущенно пропыхтела Софи, проталкиваясь в замок. Чтобы ее не вытряхнуло назад, пришлось бросить трость и повиснуть на двери.

Чуточку отдышавшись, Софи обнаружила, что прямо перед ней кто-то стоит и тоже держится за дверь. Он был на голову выше Софи, но она сразу поняла – это сущее дитя, лишь самую малость постарше Марты. И этот желторотый, судя по всему, хотел захлопнуть дверь и выпихнуть ее, Софи, обратно в ночь из теплой, светлой, восхитительной комнаты, видневшейся у него за спиной.

– Только посмей выгнать меня, мальчик! Что за наглость! – крикнула Софи.

– Да я не собирался вас выгонять, – запротестовал он. – Просто мне так дверь не закрыть! Вам вообще чего?

Софи взглянула мальчику за спину. С потолочных балок свисали всякие разности, возможно, и колдовские: гирлянды луковиц, пучки трав и связки неведомых корешков. Были в комнате и определенно колдовские причиндалы: книги в кожаных переплетах, причудливые бутылки и старый, побуревший, оскаленный человеческий череп. А по другую сторону от мальчика был очаг, в котором теплился огонек. Судя по дыму снаружи, огня должно было быть куда больше, но ведь это наверняка была всего-навсего задняя каморка замка. Огонь как раз дошел до розоватого сияния с голубыми язычками, плясавшими на поленьях, а рядом с ним в самом теплом местечке располагалось низкое кресло с подушкой, и все это было для Софи куда важнее всяких там дымов.

Софи отпихнула мальчика и рухнула в кресло.

– Вот оно, мое счастье! – сказала она, устраиваясь поудобнее. Настоящее блаженство. Огонь отогрел ноющие ноги, кресло подпирало спину, и Софи решила, что если кому-то и придет в голову сдвинуть ее сейчас с места, для этого понадобится мощнейшая и весьма воинственная магия.

Мальчик закрыл дверь. Потом он подобрал с пола трость Софи и предупредительно прислонил ее к креслу. Софи обнаружила, что движения замка по холмам здесь вовсе не чувствуется: ни отдаленного рокота, ни малейшего сотрясения. Странно!

– Скажи чародею Хоулу, – велела она мальчику, – что этому замку путешествовать дальше попросту опасно – как бы он не развалился прямо на ходу!

– Замок заколдован, он не развалится, – заверил ее мальчик. – Извините, Хоула сейчас нет дома.

Софи сочла эту весть доброй.

– А когда он вернется? – несколько встревоженно спросила она.

– Теперь уж не раньше чем завтра утром, – ответил мальчик. – А чего вам угодно? Может, я смогу вам помочь? Я подмастерье Хоула, меня зовут Майкл.

Еще удачнее!

– Боюсь, помочь мне может только сам чародей Хоул, – быстро и твердо сказала Софи. Скорее всего это к тому же было истинной правдой. – Я подожду, если ты не против.

Было ясно, что Майкл еще как против. Он беспомощно топтался над креслом. Чтобы раз и навсегда разъяснить ему, что простому парнишке-подмастерью ее не выгнать, Софи закрыла глаза и притворилась, будто спит.

– Передай ему, что меня зовут Софи, – пробормотала она и добавила для верности: – *Старуха* Софи.

– Так вам же придется всю ночь тут сидеть, – растерялся Майкл.

Поскольку именно этого Софи и ждала, она притворилась, будто не слышит. Да она и вправду провалилась в дремоту. Ведь она так устала от всей этой ходьбы. Тогда Майкл оставил ее в покое и направился к столу, где горела лампа.

Хоть есть где переночевать, сонно думала Софи. Пусть и под не совсем честным предлогом. Поскольку этот Хоул такой негодяй, обмануть его, наверное, не грех. Однако к тому времени, когда Хоул вернется и начнет возражать, Софи намеревалась оказаться отсюда подальше. Она украдкой поглядела на подмастерье слипающимися глазами. Удивительно – такой вежливый, милый мальчик. Ведь она, Софи, ворвалась сюда довольно-таки грубо, а он ни словечком ее не упрекнул. Наверное, Хоул в ежовых рукавицах его держит. Правда, Майкл был вовсе не похож на изнуренного раба. Это был высокий темноволосый мальчик с приятным, открытым лицом, одетый очень и очень прилично. Честно говоря, если бы Софи своими глазами не видела, как он осторожно наливает зеленую жидкость в черный порошок из затейливой бутылки, она бы решила, что он сын преуспевающего фермера. Странно!

С волшебниками, впрочем, всегда все странно, подумала Софи. А в этой кухне – или мастерской? – было восхитительно уютно и так спокойно. Софи наконец заснула как следует и даже засопела. Она не проснулась даже тогда, когда на столе что-то вспыхнуло и послышался приглушенный грохот, а затем короткое скверное слово, которое Майкл поспешно проглотил. Она не проснулась и тогда, когда Майкл, облизывая обожженные пальцы, решил оставить колдовство до утра и достал из шкафчика хлеб и сыр. Она не шелохнулась, когда Майкл со страшным грохотом уронил ее трость, так как перегнулся через кресло, чтобы достать полено и подбросить в огонь, и даже когда Майкл, заглянув в открытый рот Софи, сообщил очагу:

– У нее все зубы целы. Выходит, это не Болотная Ведьма?

– Ее бы я сюда не впустил, – сердито отозвался очаг.

Майкл пожал плечами, подобрал трость Софи и снова предупредительно поставил ее на место. Потом он не менее предупредительно подложил в очаг полено и отправился куда-то наверх спать.

Среди ночи Софи проснулась оттого, что рядом кто-то похрапывал. Она не без раздражения подскочила и обнаружила, что храпела исключительно она сама. Софи казалось, что проспала она всего секундочку-другую, но за эти секундочки Майкл успел исчезнуть и прихватил с собой лампу. Разумеется, ученик чародея овладевает подобными навыками за первую неделю. А огонь в очаге тем временем почти угас. Он премерзко дрожал и потрескивал. В спину Софи потянуло холодным сквозняком. Софи припомнила, что находится в замке чародея, а также с неприятной отчетливостью осознала, что где-то рядом на столе имеется человеческий череп.

Софи поежилась и повертела закостеневшей старой шеей.

– А не разжечь ли нам огонек поярче?.. – произнесла она. Надтреснутый голосок прозвучал ничуть не громче потрескивания в очаге. Софи удивилась. Она ожидала, что по просторным залам замка прокатится гулкое эхо. Зато рядом с ней обнаружилась корзина дров. Софи протянула хрустнувшую руку и бросила в огонь полено, отчего в трубу улетел целый сноп сине-зеленых искр. Софи положила в очаг еще одно полено и откинулась в кресле, не забыв прежде нервно оглянуться через плечо – за спиной у нее на буроватом черепе танцевали лиловые отсветы пламени. Комнатка оказалась совсем крохотная. В ней не было никого, кроме Софи и черепа.

– Он обеими ногами в могиле, а я – только одной, – утешила себя Софи. Она повернулась к очагу, в котором теперь полыхало яркое сине-зеленое пламя.

– Наверное, в дереве была какая-то соль, – пробурчала Софи. Она села поудобнее, пристроив узловатые ноги на каминной решетке, а голову – в уголке кресла, и начала сонно размышлять, что будет делать утром. Однако она несколько отвлеклась, потому что в огне ей померещилось лицо.

– Узкое голубое лицо, – шептала себе под нос Софи, – очень длинное и узкое, с узким голубым носом. А вон те кудрявые зеленые язычки сверху – определенно волосы. А что если я не успею уйти, когда Хоул вернется? Ведь чародеи наверняка умеют снимать заклятья. А вон те лиловые огонечки внизу – совсем как рот; ну и клыки у тебя, дружище. А вместо бровей два

зеленых пламенных пучка… – Вот интересно, во всем очаге было только два островка оранжевого огня – как раз под зелеными бровями, будто глаза, и в каждом точно посередке виднелись лиловые отсветы, и Софи легко могла представить себе, будто лицо смотрит на нее живыми зрачками. – С другой стороны, – продолжала Софи, уставившись в оранжевые огоньки, – стоит ему снять заклятье, и не успею я оглянуться, как он съест мое сердце!

– А ты разве не хочешь, чтобы твое сердце съели? – поинтересовалось пламя.

Говорило совершенно точно именно пламя. Софи видела, как его лиловый рот изгибается, произнося слова. Голос у него был почти такой же надтреснутый, как и у Софи, в нем плевалось и скулило горящее дерево.

– Конечно нет, – удивилась Софи. – А ты кто?

– Огненный демон, – ответствовал лиловый рот. В его голосе было больше скулежа, чем плевков, когда он добавил: – Я привязан к этому очагу по условиям договора. Мне отсюда никуда не двинуться. – Тут голос стал дерзким и трескучим. – А ты ведь тоже вроде как заколдована!

Это окончательно пробудило Софи от дремоты.

– Так ты все видишь! – воскликнула она. – А можешь снять заклятье?

Настала бурная сверкающая тишина, оранжевые глаза на зыбком лице демона осмотрели Софи с ног до головы.

– Сильное заклятье, – сказал наконец демон. – Мне представляется, это работа Болотной Ведьмы.

– Да, – кивнула Софи.

– Но дело не только в этом, – проискрил демон. – Различаю два уровня. Ну и, разумеется, ты никому не можешь об этом рассказать, разве что сами догадаются. – Он еще секунду глядел на Софи. – Нужно досконально все исследовать, – заключил он.

– А сколько времени на это уйдет? – спросила Софи.

– Сколько-то уйдет, – отозвался демон. И добавил, мягко и вкрадчиво мерцая: – А не хочешь ли заключить со мной сделку? Я сниму с тебя заклятье, если ты расторгнешь мой договор.

Софи осторожно поглядела в узкое голубое лицо демона. Вид у него при этом предложении был безусловно коварный. Во всех книжках, которые Софи доводилось читать, яснее ясного говорилось о том, какими невероятными опасностями чреваты сделки с демонами. К тому же не было никаких сомнений в том, что этот демон – очень злой демон. Одни лиловые клыки чего стоят.

– Ты честно? Ты точно честно? – уточнила она.

– Ну не совсем, – признался демон. – Но разве тебе так уж хочется оставаться в подобном виде до самой смерти? Это заклятье сократило тебе жизнь лет на шестьдесят, насколько я вообще могу судить о подобных материях.

Думать об этом было мерзко. До сих пор Софи не допускала этой мысли. А тем не менее именно эта мысль все и меняла.

– А этот твой договор – он с чародеем Хоулом, да? – спросила Софи.

– Разумеется, – согласился демон. В его голосе снова послышался скулеж. – Я прикован к этому очагу и не могу сойти с места больше чем на фут. Я вынужден производить большую часть здешней магии. Я должен следить за замком, двигать его и устраивать всяческие фейерверки, чтобы отпугивать посетителей, и вообще делать все, что скажет Хоул. Хоул, видишь ли, ужасно бессердечен.

Софи не надо было лишний раз напоминать о том, что Хоул бессердечен. С другой стороны, скорее всего этот демон тоже не подарок.

– А тебе по договору что-то полагается? – поинтересовалась Софи.

– Как тебе сказать? Иначе я бы не стал его заключать, – печально мерцая, ответил демон. – Но если бы я знал, каково это будет, ни за что бы не согласился. Меня эксплуатируют.

Несмотря на все предубеждения, Софи демону посочувствовала. Она вспомнила, как делала шляпки для Фанни, а Фанни тем временем гуляла.

– Ладно, – сказала она. – Каковы условия договора? Как мне его разорвать?

Синее лицо демона пересекла нетерпеливая лиловая усмешка.

– Так ты согласна заключить сделку?

– Если ты согласен снять с меня заклятье, – ответила Софи с отвагой человека, решившегося наконец совершить что-то судьбоносное.

– По рукам! – крикнул демон, и его длинное лицо так и взмыло к трубе. – Я сниму с тебя заклятье в тот самый миг, когда ты расторгнешь договор!

– Так расскажи, как мне его расторгнуть, – потребовала Софи.

Оранжевые огоньки прищурились на нее, а потом отвели взгляд.

– Не могу. По договору ни я, ни чародей Хоул не имеем права обнародовать главное условие.

Софи поняла, что ее надули. Она уже открыла рот, собираясь сообщить демону, что в таком случае он может смело рассчитывать просидеть в очаге до скончания века.

Демон понял, к чему идет дело.

– Не спеши отказываться! – протрещал он. – Ты все поймешь, надо только повнимательнее смотреть и слушать! Умоляю, постарайся! Время показало, что от этого договора нам обоим одно горе! А слово я сдержу! Ведь я же, в конце концов, торчу тут, – значит, я действительно держу слово!

Демон говорил совершенно серьезно и взволнованно подскакивал на поленьях. Софи снова ему посочувствовала.

– Но ведь если мне надо смотреть и слушать, значит, мне придется остаться здесь, в замке Хоула, – возразила она.

– Всего-то на какой-нибудь месяц! И не забывай – я должен досконально исследовать твое заклятье! – взмолился демон.

– А под каким, интересно, предлогом я буду тут жить? – спросила Софи.

– Придумаем что-нибудь! Хоул ведь почти совсем ни к чему не пригоден… Знаешь, – добавил демон, ядовито шипя, – он так поглощен собой, что обычно дальше носа ничего не видит. Мы сумеем его провести, если ты согласишься тут пожить.

– Прекрасно, – отозвалась Софи. – Я останусь. А теперь придумай предлог.

Она удобно устроилась в кресле, а демон принялся думать. Думал он вслух, пришепетывая, искрясь и мерцая, и это здорово напомнило Софи то, как она сама по дороге к замку разговаривала со своей тростью, а от размышлений огонь разгорелся с таким радостным и мощным ревом, что Софи снова задремала. Судя по всему, демон предложил ей уйму вариантов. Софи припоминала, как кивала в ответ на предложение притвориться потерявшейся тетушкой отца Хоула и на парочку других, еще более завиральных, но воспоминания эти были какие-то туманные. В конце концов демон даже запел какую-то тихую мерцающую песенку. Ничего похожего на этот язык Софи никогда не слышала – или думала, что не слышала, пока не различила слово «кастрюлечка», повторенное несколько раз, – и звучала песня невероятно сонно. Софи глубоко уснула, подозревая, что ее опять заколдовали, а не только одурачили, но это совершенно ее не заботило. Скоро заклятью конец…

Глава четвертая, в которой Софи обнаруживает несколько странностей

Когда Софи проснулась, ее с ног до головы заливал дневной свет. Поскольку Софи твердо помнила, что никаких окон в замке нет, она поначалу решила было, будто заснула за отделкой шляп и вся эта история про то, как пришлось уйти из дома, ей только приснилась. Огонь в очаге перед ней почти угас, остались только розовые угольки да белая зола, а это лишний раз убеждало в том, что и огненный демон тоже ей только приснился. Но первая же попытка пошевелиться показала – кое-что ей вовсе не приснилось. Все кости громко захрустели.

– Ой! – воскликнула Софи. – Как все болит! – Голос, которым она это воскликнула, был слабенький и надтреснутый.

Софи потянулась узловатыми пальцами к лицу и нащупала морщинки. И тут выяснилось, что весь вчерашний день она провела в состоянии полного ошеломления. И тогда Софи здорово разозлилась на Болотную Ведьму за то, что она с ней сделала, – ужасно, невероятно разозлилась.

– Тоже мне – расхаживает по лавкам и превращает людей в стариков! – закричала Софи. – Ух, я бы ей устроила!

Злость заставила ее рывком подняться, несмотря на лавину треска и скрежета, и заковылять к нежданно объявившемуся окну. К полному изумлению Софи, за окном оказался приморский городок. Софи увидела крутую немощеную улочку между рядами крошечных, бедных на вид домиков и торчащие над крышами мачты. За мачтами Софи различила мерцание моря – его она видела впервые в жизни.

– Это куда же я попала? – спросила Софи у стоявшего на столе черепа. – Нет-нет, дружочек, можешь не отвечать, – поспешно добавила она, вспомнив, что находится не где-нибудь, а в замке чародея, и обернулась оглядеть комнату.

Это была совсем маленькая комнатка с мощными черными балками под потолком. При дневном свете стало видно, что в ней невероятно грязно. Каменный пол был заляпан и замызган, за каминной решеткой громоздилась гора золы, а с балок мерзкими складками свисала паутина. На черепе лежал слой пыли. Софи рассеянно вытерла ее и заглянула в таз у стола. Увидев серовато-розовую слизь, покрывавшую его, и белую слизь, которая капала из подвешенного над ним рукомойника, Софи содрогнулась. Очевидно, чародея Хоула совершенно не беспокоило то, в каком убожестве живут его слуги.

Остальная часть замка, судя по всему, скрывалась за одной из четырех низких черных дверей в четырех стенах комнаты. Софи распахнула ближайшую – в короткой стене за столом. За дверью оказалась просторная ванная. Подобные ванные бывают только во дворцах: она была оснащена всевозможными роскошествами вроде ватерклозета, душевой кабины, громадной ванны на когтистых лапах и зеркал со всех сторон. Только вот там было даже грязнее, чем в комнате. Софи подпрыгнула, заглянув в ватерклозет, передернулась из-за цвета ванны, отскочила от зеленой плесени в душевой кабине и безо всякого труда избежала собственного скукоженного отражения в зеркалах, поскольку стекла были испещрены кляксами и потеками безымянных веществ. Сами же безымянные вещества теснились на очень большой полке над ванной. Они были в горшочках, бутылочках, тюбиках и сотнях потрепанных коричневых кульков и бумажных пакетов. Впрочем, у самого большого горшочка имя все-таки было. Он назывался «СУШИЛЬНОЕ СРЕДСТВО», о чем гласили крупные корявые буквы. Софи наугад вытянула с полки кулек. На нем было накарябано «КОЖА», и Софи поскорее запихнула его обратно. На соседнем кувшинчике теми же каракулями было нацарапано «ГЛАЗА». На каком-то тюбике стояло «ОТ РАЗДРАЖЕНИЯ».

– От раздражения – это очень кстати, – пробурчала Софи, не без трепета заглядывая в раковину. Когда Софи повернула сине-зеленый вентиль, – весьма вероятно, бронзовый, – в раковину хлынула вода и смыла некоторое количество плесени. Софи ополоснула руки и лицо, не касаясь раковины, но воспользоваться «СУШИЛЬНЫМ СРЕДСТВОМ» не отважилась и просто вытерла руки о юбку, а затем направилась к следующей черной двери.

Эта дверь вела на шаткую деревянную лестницу. Софи услышала шаги наверху и поспешно захлопнула дверь. Видимо, она вела всегонавсего куда-то на чердак. Софи заковыляла к следующей двери. Ходить стало гораздо легче. Все-таки вчера Софи обнаружила истинную правду: она была крепкая старуха.

Третья дверь выходила в убогий дворик, обнесенный высокими кирпичными стенами. Там высилась поленница и чуть ли не вровень со стенами громоздились неряшливые кучи какого-то металлолома, старых колес, дырявых ведер, жести, проволоки. Софи захлопнула и эту дверь тоже – она изрядно удивилась, потому что у замков таких дворов не бывает. К тому же над кирпичными стенами не виднелось никаких башен. Стены уходили непосредственно в небо. Единственное, что пришло Софи в голову, – это что двор обращен к той стороне замка, куда ее вчера вечером не пустила невидимая преграда.

Софи открыла четвертую дверь, и за ней оказалась кладовка с метлами, на ручках которых висели два приличных, но насквозь пыльных бархатных плаща. Софи притворила и ее. Оставалась только дверь в стене с окном, и именно в нее Софи вчера и вошла. Софи осторожно подковыляла к ней и выглянула наружу.

Секунду она тупо глядела на неспешно проплывающие мимо холмы и на пригибающийся у порога вереск, ощущая, как ветер шевелит ее легкие волосы, и прислушиваясь к рокоту и скрежету больших черных камней. Потом она закрыла дверь и направилась к окну. За окном был приморский городок. Никакая не картинка. Женщина из дома напротив выметала за порог мусор. Над крышей виднелась мачта, а на мачту резкими рывками поднимался сероватый холст, вспугнув стайку чаек, которые все кружились и кружились на фоне сверкающего моря.

– Ничего не понимаю, – поделилась Софи с черепом. Затем она поглядела в очаг и, поскольку пламя почти погасло, пошла подбросила пару поленьев и выгребла немного золы.

Между поленьев заплясали зеленые языки, маленькие и кудрявые, а потом взметнулось длинное синее лицо с зелеными пылающими волосами.

– Доброе утро, – сказал огненный демон. – Не забудь, что мы заключили сделку.

Выходит, ничего Софи не приснилось. Она была не очень-то слезлива, но тут села в кресло и просидела довольно долго, глядя на дрожащего и расплывающегося огненного демона и не обращая особого внимания на шорохи, которые производил наверху проснувшийся Майкл, пока не оказалось, что он стоит рядом и вид у него смущенный и несколько сердитый.

– Вы еще здесь? А что?.. – спросил он.

Софи шмыгнула носом.

– Я теперь совсем старая женщина… – начала она, но объяснить ничего не смогла.

Все оказалось в точности так, как говорила Ведьма и как догадался огненный демон.

– Ну, это рано или поздно случится с нами со всеми, – бодро ответил Майкл. – Не желаете ли позавтракать?

Софи поняла, что она действительно очень крепкая старуха. Последний раз она ела вчера днем, а теперь от хлеба с сыром не осталось даже воспоминаний и проголодалась она как волк.

– Да! – воскликнула Софи, а когда Майкл открыл шкафчик на стене, она вскочила и заглянула ему через плечо – ей стало интересно, что будет на завтрак.

– Боюсь, у нас только хлеб с сыром, – суховато произнес Майкл.

– Но там же полная корзинка яиц! – поразилась Софи. – А вон тот сверток – это не бекон случайно? Да и попить горяченького стоит… Где тут у тебя чайник?

– Нету, – отозвался Майкл. – У нас готовит только Хоул.

– Я умею готовить, – заявила Софи. – Достань-ка мне вон ту сковороду, и сам увидишь!

Она потянулась за большой черной сковородкой, которая висела на стенке шкафчика, хотя Майкл всячески пытался ее удержать.

– Вы меня не поняли, – помотал головой Майкл. – Все из-за Кальцифера, огненного демона. Он не склонит головы – ну, для готовки – ни перед кем, кроме Хоула.

Софи повернулась и уставилась на огненного демона. Он злобно сверкнул на нее.

– Не желаю, чтобы меня эксплуатировали!

– Ты что, хочешь сказать, что без Хоула тебе даже кипяточку не раздобыть?! – ахнула Софи. Майкл смущенно кивнул. – Ну знаешь! Тогда это тебя эксплуатируют! – возмутилась Софи. – Давай-ка сюда.

Она вырвала сковородку из отчаянно сжатых пальцев Майкла, швырнула на нее бекон, сунула в корзинку с яйцами подвернувшуюся под руку деревянную ложку и со всем этим хозяйством зашагала к очагу.

– А ну, не дури, Кальцифер, – велела она. – Наклоняй голову.

– Ты меня не заставишь! – гордо проскрежетал огненный демон.

– Еще как заставлю! – проскрежетала в ответ Софи с той яростью, которая частенько останавливала ее сестренок в разгар драки. – Только попробуй не послушаться – и я залью тебя водой. Или возьму щипцы и вытащу оба твои полена, – добавила она, с хрустом опускаясь на колени перед очагом. Там она шепнула: – А еще я могу расторгнуть сделку или рассказать о ней Хоулу. Хочешь?

– Проклятье! – зашипел Кальцифер. – Майкл, зачем ты ее сюда впустил?! – Тем не менее он начал медленно и неохотно наклоняться, и вот уже огненный демон превратился в круг пляшущего на поленьях зеленого пламени.

– Вот спасибо, – сказала Софи и пришлепнула зеленый круг тяжелой сковородкой, чтобы Кальциферу не вздумалось снова подняться.

– Чтоб у тебя весь бекон пригорел, – пропыхтел под сковородкой Кальцифер.

Софи нарезала бекон. Сковородка была что надо – гладкая и прогревалась отлично. Бекон зашипел, и Софи пришлось обернуть руку юбкой, чтобы не обжечься. Дверь открылась, но из-за шипения Софи этого не расслышала.

– Не дури! – напомнила она Кальциферу. – И гори, пожалуйста, ровно, мне еще надо яйца разбить.

– А, Хоул, доброе утро, – убитым голосом произнес Майкл.

При этих словах Софи повернулась, – возможно, не без лишней спешки. Она уставилась на вошедшего. Высокий молодой парень в элегантнейшем голубом с серебром костюме замер, не успев поставить в угол гитару. Он отбросил светлые волосы с любопытных льдисто-зеленых глаз и в свою очередь уставился на Софи. На узком треугольном лице появилось озадаченное выражение.

– Извините, а кто вы, собственно, такая? – поинтересовался Хоул. – Где я вас раньше видел?

– Вы меня не знаете, – уверенно соврала Софи.

В конце концов, первая и единственная ее встреча с Хоулом была такой короткой, что он едва успел назвать собеседницу серой мышкой. Софи следовало бы поблагодарить судьбу, что тогда ей удалось так запросто унести ноги, однако сейчас, по правде говоря, ее занимала лишь одна мысль. Небеса милосердные, удивилась Софи. Да этот чародей Хоул при всей своей злобности – сущее дитя едва за двадцать! Да, быть старой – совсем другое дело, думала она, переворачивая бекон на сковородке. И Софи под страхом смерти не рассказала бы этому расфуфыренному юнцу, что она-то и была той девушкой, которую он пожалел на Майском празднике. Сердца и души тут ни при чем. Хоул ничего не узнает.

– Говорит, ее зовут Софи, – пояснил Майкл. – Вот пришла ночью.

– А как ей удалось заставить Кальцифера нагнуться? – спросил Хоул.

– Так нажала – просто деваться было некуда! – жалобно пропыхтел Кальцифер из-под сковородки.

– Это немногим по плечу, – задумчиво заметил Хоул. Он наконец утвердил гитару в углу, подошел к очагу, отодвинул Софи в сторону, и аромат бекона смешался с ароматом гиацинтов. – Кальцифер не любит, когда на нем готовит кто-то, кроме меня, – сообщил он, оборачивая ладонь длинным хвостом рукава, чтобы ухватиться за ручку сковородки. – Будьте любезны, передайте сюда еще два ломтика бекона и шесть яиц и расскажите, что вы здесь делаете.

Софи глядела на голубой самоцвет у Хоула в ухе и передавала ему яйца по одному.

– Что я здесь делаю, молодой человек? – переспросила она. После всего, что она видела в замке, ответ напрашивался сам собой. – Да я же ваша новая уборщица.

– Неужели? – удивился Хоул, одной рукой разбивая яйца и бросая скорлупу в огонь, где Кальцифер пожирал их, урча и чавкая. – А кто вам это сказал?

– Я, – отозвалась Софи и благочестиво добавила: – Навести чистоту в вашем доме мне по силам, однако очистить вас от скверны я не могу.

– Хоул вовсе не скверный, – возразил Майкл.

– Еще какой скверный! – напустился на него Хоул. – Ты, Майкл, забываешь даже о том, как невероятно скверно я себя веду непосредственно в данный момент! – И он дернул подбородком в сторону Софи. – Что ж, если вам, сударыня, так уж хочется быть полезной, разыщите ножи и вилки и расчистите стол.

Под столом отыскались высокие табуреты. Майкл принялся выволакивать их оттуда и расставлять вокруг стола и разгребать всякий хлам, чтобы освободить местечко для ножей и вилок, которые он вытащил из ящика в столе. Софи пошла ему помогать. Само собой, Хоул вовсе не должен был ей радоваться, но пока он даже не намекнул, что ей можно остаться после завтрака. Поскольку особой помощи Майклу, похоже, не требовалось, Софи зашаркала к трости и медленно и нарочито аккуратно установила ее в кладовку для метел. Когда и это не привлекло внимания Хоула, она провозгласила:

– Если хотите, можете назначить мне испытательный срок на месяц.

Хоул не ответил ничего, кроме «Майкл, тарелки, пожалуйста», и поднялся, держа в руках дымящуюся сковородку. Кальцифер поскорее разогнулся, взревев от облегчения и выпустив целый сноп искр.

Софи предприняла новую попытку припереть чародея к стенке.

– Если мне придется целый месяц все тут убирать, – заявила она, – так покажите мне остальной замок. Я тут нашла только эту комнату и ванную.

К ее изумлению, и Майкл, и Хоул хором расхохотались.

Только под самый конец завтрака Софи поняла, отчего они смеялись. Хоула просто невозможно было припереть к стене. Судя по всему, он вообще не любил отвечать на вопросы. Софи отстала от него и спросила Майкла.

– Объясни ей, – велел Хоул. – Может, умолкнет наконец.

– Никакого замка нет, – сказал Майкл. – Только эта комната и две спальни наверху.

– Что?! – поразилась Софи.

Хоул с Майклом снова расхохотались.

– Замок изобрели Хоул и Кальцифер, – стал рассказывать Майкл. – И держится он благодаря Кальциферу. А это все – старый домик Хоула в Портхавене, и только тут он настоящий.

– Но ведь Портхавен у самого моря, до него отсюда мили и мили! – ахнула Софи. – Мне это не нравится! Зачем тогда ваш огромный страшный замок ползает по холмам и до смерти пугает народ в Маркет-Чиппинге?

Хоул пожал плечами:

– Какая вы, однако, непосредственная старушка! Что ж. Я достиг той ступени карьеры, когда вынужден производить должное впечатление как могуществом, так и злобностью. Заставить короля думать обо мне хорошо я не в состоянии. А в прошлом году мне случилось обидеть одну очень могущественную особу, и теперь мне нужно держаться подальше от них обоих.

Занятный способ избегать кого бы то ни было; однако Софи решила, что у чародеев, видимо, представления о секретности совсем не те, что у простых людей. Вскоре она обнаружила, что у замка есть и другие особенности. Все поели, Майкл принялся сгружать тарелки в грязный таз у стола, и тут раздался громкий гулкий стук в дверь.

Кальцифер так и вспыхнул:

– Кингсберийская дверь!

Хоул, направившийся было в ванную, повернулся к двери. В притолоку была вделана квадратная деревянная ручка, у каждой из четырех сторон которой стояла пометка краской. Сейчас ручка была повернута вниз зеленым, однако Хоул, прежде чем открыть на стук, повернул ее вниз красным.

Снаружи стоял некто в громоздком белом парике и нахлобученной поверх парика широкополой шляпе. Одет он был в пурпур, золото и киноварь и держал перед собой жезл, увитый лентами, словно младший братишка майского шеста. Некто поклонился. В комнату хлынул аромат гвоздики и флердоранжа.

– Его величество король изволит приветствовать вас и приказал передать вам плату за две тысячи пар семимильных сапог! – отчеканил некто.

За его спиной Софи успела уловить очертания кареты, которая стояла на улице, сплошь застроенной пышными особняками с раскрашенными рельефами, а в отдалении виднелись башни, шпили и купола такого великолепия, какого Софи и представить себе не могла. Ей было ужасно жалко, что посмотреть ей удалось самую чуточку – всего-то ту капелюшечку времени, которая потребовалась посланцу у порога, чтобы извлечь огромный шелковый позвякивающий кошель, а Хоулу – чтобы принять кошель, раскланяться и закрыть дверь. Хоул повернул квадратную ручку на место – зеленой меткой вниз – и запихнул кошель в карман. Софи заметила, что Майкл не отрывал от кошеля встревоженного взгляда.

Затем Хоул, не мешкая, отправился в ванную, крикнув на ходу: «Кальцифер, горячей воды!» И после этого он долго-долго не показывался.

Софи не смогла совладать с любопытством.

– А кто это был там, за дверью? – спросила она у Майкла. – То есть где это было?

– Эта дверь открывается в Кингсбери, – объяснил Майкл. – Там живет король. Наверное, этот человек был служащий лорд-канцлера. И очень зря он отдал деньги Хоулу, – встревоженно добавил мальчик, обращаясь к Кальциферу.

– А Хоул разрешит мне тут пожить? – спросила Софи.

– Если разрешит, никогда больше не пытайтесь припереть его к стенке, – посоветовал Майкл. – Он этого страх как не любит.

Глава пятая, перенасыщенная всяческой уборкой

Софи решила, что единственная ее надежда – это убедить Хоула, будто она превосходная уборщица, истинное сокровище. Поэтому она спрятала легкие белые волосы под какой-то старой тряпкой, закатала рукава на тощих старых руках и обернула вокруг пояса старую скатерть из кладовки с метлами – получился передник. Думать о том, что убрать надо будет всего в четырех комнатах, а не в целом замке, было утешительно. Софи вооружилась метлой и ведром и принялась за работу.

– Что происходит?! – паническим хором воскликнули Майкл и Кальцифер.

– Генеральная уборка, – твердо ответствовала Софи. – Это не замок, а свинарник.

– Зачем здесь убирать? – удивился Кальцифер.

– Хоул вас вышвырнет! – прошептал Майкл.

Однако Софи их и слушать не стала. Заклубились тучи пыли.

В разгар всего этого снова раздался стук. Кальцифер вспыхнул и закричал:

– Портхавенская дверь!

Софи вгляделась сквозь завесу пыли, которую сама же и подняла, и обнаружила, что на этот раз Майкл повернул квадратную ручку в притолоке так, чтобы вниз смотрела сторона с синей меткой. Затем он открыл дверь – она выходила на ту самую улицу, которую было видно в окно.

Там стояла крошечная девочка.

– Мама сказала – мне то снадобье, – выпалила она. – Пжалста, мистер Фишер.

– Непотопляемый порошок для папиной лодки, да? – уточнил Майкл. – Секундочку… – Он вернулся к столу и отмерил в бумажный фунтик порошка из какого-то кувшинчика. Все это время девочка глядела на Софи с таким же любопытством, с каким Софи глядела на нее. Майкл завернул фунтик и вручил его девочке со словами: – Скажи маме, пусть развеет над лодкой от носа до кормы. Он будет действовать даже в шторм.

Девочка забрала фунтик и протянула ему монетку.

– А что, на колдуна теперь еще ведьма работает? – спросила она.

– Нет, – ответил Майкл.

– Ты обо мне, детка? – вмешалась Софи. – Да, малышка. Я лучшая и чистоплотнейшая ведьма во всей Ингарии.

Майкл сердито захлопнул дверь.

– Это же вмиг разнесут по всему Портхавену! Хоул будет очень недоволен!

И он снова повернул ручку зеленой меткой вниз.

Софи тихонько хихикнула. Виноватой она себя не чувствовала нисколечко. Возможно, подобных идей она нахваталась от своей метлы. Ведь если будут думать, будто она работает на Хоула, он скорее оставит ее в замке. Все было очень странно. Девушкой Софи съежилась бы от стыда за свое поведение. А старухой она обнаружила, что собственные слова и дела ни капельки ее не заботят. По мнению Софи, это было большим облегчением.

Она с любопытством обернулась поглядеть, как Майкл поднимает камень в очаге и прячет туда девочкину монетку.

– Что это ты делаешь, а?

– Мы с Кальцифером хотим поднакопить денег, – смущенно ответил Майкл. – А то Хоул тратит все, что мы зарабатываем, – все до пенни.

– Никчемный транжира! – протрещал Кальцифер. – Королевские денежки он спустит быстрее, чем я сожгу полено! Ни следа здравого смысла!

Софи разбрызгала воду из таза, чтобы улеглась пыль, из-за чего Кальцифер в панике вжался в заднюю стенку очага, поближе к трубе. Потом Софи снова подмела пол. Мела она

по направлению к двери, чтобы еще раз взглянуть на квадратную ручку. Четвертая сторона, которую Софи еще не видела, была помечена черным. Думая о том, куда бы она могла вести, Софи начала рьяно сметать с потолка паутину. Майкл так и взвыл, а Кальцифер снова вжался в стену.

Именно в этот момент из ванной в облаке распыленных благовоний появился Хоул. Выглядел он на диво элегантно. Даже серебряные вставки и вышивка на его костюме словно бы стали ярче. Он бросил взгляд в комнату и поспешно отступил обратно в ванную, прикрывая голову голубым с серебром рукавом.

– Прекратите, сударыня! – закричал он. – Оставьте бедных паучков в покое!

– Эта паутина – позор для замка! – объявила Софи, сметая пыльные фестоны.

– Снимите паутину, а паучков не трогайте! – велел Хоул.

Должно быть, у чародеев с пауками мрачное мистическое родство, решила Софи.

– Они же тогда наплетут еще паутины, – сказала она.

– И переловят всех мух, а это очень полезно, – возразил Хоул. – Прошу вас, не шевелите метлой, когда я прохожу по своей собственной комнате.

Софи оперлась на метлу и глядела, как Хоул проходит по комнате и берет гитару. Когда он взялся за засов, Софи спросила:

– Если красная метка ведет в Кингсбери, а синяя – в Портхавен, куда ведет черная?

– Вот мастерица совать нос не в свое дело! – поразился Хоул. – Она ведет в мою личную тайную берлогу, а где это – вам знать не положено! – Он распахнул дверь, за которой неспешно плыли вересковые пустоши и холмы.

– Хоул, а когда вы вернетесь? – с ноткой безысходности в голосе спросил Майкл.

Хоул притворился, будто не слышит.

– Только попробуйте убить хотя бы одного паучка, пока меня не будет! – бросил он Софи.

И дверь за ним захлопнулась. Майкл со значением взглянул на Кальцифера и вздохнул. Кальцифер разразился злобным трескучим хохотом.

Поскольку никто не объяснил Софи, куда уходит Хоул, она заключила, что он снова отправился охотиться на девиц, и опять взялась за работу: праведного рвения в ней только прибыло. После того, что сказал ей Хоул, о преследовании пауков не было и речи. Поэтому Софи постучала по балкам метлой, крича: «Кыш, пауки! Вон отсюда!» Пауки в ужасе так и брызнули во все стороны, и паутины на пол нападало с хороший стог. После этого Софи пришлось еще разок подмести пол. Наконец она опустилась на колени и принялась скрести доски.

– Пора бы вам уняться, – заметил Майкл, благоразумно сидевший на лестнице.

Кальцифер, укрывшись в глубине очага, бурчал:

– Что-то я уже жалею, что заключил с тобой сделку!

Софи рьяно продолжала скрести.

– Вам же самим будет лучше, если тут все будет чистое и красивое, – отвечала она.

– Но сейчас-то мне плохо! – протестовал Майкл.

Хоул объявился только поздно вечером. К тому времени Софи домелась и доскреблась до того, что еле волочила ноги. Она ссутулилась в кресле, чувствуя, как ноет каждая косточка. Майкл ухватил Хоула за хвостатый рукав и потащил его в ванную, и Софи услышала, как он там страстным шепотом изливает чародею наболевшее. Разобрать фразы вроде «кошмарная старушенция» и «слышать ничего не хочет!» было проще простого даже несмотря на рев Кальцифера: «Хоул, уйми ее! Она же нас прикончит!»

Однако, когда Майкл наконец отпустил Хоула, тот задал Софи всего лишь один вопрос:

– Паучков не убивали?

– Конечно нет! – резко ответила Софи. Из-за ломоты в костях она стала особенно раздражительна. – Только поглядели на меня – и разбежались от греха подальше. А что в них такого? Это девушки, у которых вы съели сердца?

– Нет, – рассмеялся Хоул. – Просто паучки. – И мечтательно побрел наверх.

Майкл тяжко вздохнул. Он отправился в кладовку с метлами, долго там шуровал, выволок старую кушетку, соломенный матрас и несколько ковриков и пристроил все это в проеме под лестницей.

– Устраивайтесь на ночь здесь, – сказал он Софи.

– А что, выходит, Хоул разрешил мне остаться? – уточнила она.

– Да не знаю я! – раздраженно ответил Майкл. – Хоул никогда себя обязательствами не связывает. Я провел здесь полгода, прежде чем он обратил внимание на то, что я тут живу, и взял меня в ученики. Просто я подумал, что на кушетке удобнее, чем в кресле.

– Тогда спасибо тебе огромное, – обрадовалась Софи. Спать на кушетке действительно гораздо удобнее, чем в кресле, а если Кальцифер среди ночи начнет жаловаться, что голоден, Софи будет проще простого проскрипеть к очагу и подкинуть ему полешко-другое.

Несколько дней Софи беспощадно разгребала в замке грязь. Она была откровенно счастлива. Убеждая себя, что ищет намеки и подсказки, она вымыла окно, вычистила вонючую раковину и заставила Майкла убрать все со стола и с полок, чтобы их отскоблить. Софи казалось, что у черепа появился тот же исполненный кротости и долготерпения вид, что и у Майкла. Его, беднягу, все время передвигали с места на место. Она выгребла все из шкафов и сняла все с балок и вымыла там тоже. Потом она подвесила к балкам у очага старую простыню и

заставила Кальцифера наклонить голову, чтобы вычистить трубу. Кальцифера все это просто бесило. Он разразился трескучим злобным смехом, когда Софи обнаружила, что сажа покрыла всю комнату и надо драить все заново. Вечно у Софи так выходило. Беспощадность – это прекрасно, но нужна еще и система. Впрочем, в ее беспощадности тоже была своя система: Софи сообразила, что если мыть и убирать вообще везде, то рано или поздно наткнешься на тайный склад похищенных Хоулом девичьих душ или изжеванных сердец – в общем, чего-то такого, что помогло бы ей понять суть Кальциферова договора. Ее осенило, что внутренность трубы, находящаяся под бдительной охраной Кальцифера, – превосходный тайник. Но там не было ничего, кроме чудовищного количества золы, которую Софи сгребла в мешки и вынесла во двор. В ее списке возможных тайников двор занимал одно из первых мест.

Всякий раз, когда Хоул возвращался домой, Кальцифер и Майкл принимались громогласно жаловаться ему на Софи. Однако Хоул, казалось, их не слышит. И чистоты он не замечал. И того, что в кухонном шкафчике теперь было полно печенья, варенья и иногда всякой зелени.

Ибо, как и предсказывал Майкл, по Портхавену поползли слухи. Все приходили взглянуть на Софи. В Портхавене ее прозвали миссис Ведьма, а в Кингсбери – мадам Чародейка. В столице слухи тоже разнеслись. Хотя те, кто подходил к двери замка в Кингсбери, были одеты лучше, чем в Портхавене, ни те, ни другие не решались беспокоить такую важную персону с пустыми руками. Поэтому Софи всякий раз прекращала работу, чтобы покивать, поулыбаться и принять подношение или чтобы позвать Майкла, которого просили на скорую руку сладить какие-нибудь чары. Частенько подношения оказывались что надо – картинки, снизки ракушек, практичные фартуки. Фартуки Софи были нужны всегда, а ракушками и картинками она обвесила все стены в своем уголке под лестницей, в котором вскоре стало по-домашнему уютно.

Софи понимала, что будет скучать по всей этой ерунде, когда Хоул ее выгонит. Она все больше и больше боялась, что он это сделает. Ведь рано или поздно он ее заметит!

Затем Софи взялась за ванную. Это заняло несколько дней, поскольку Хоул перед каждым выходом в свет торчал там до бесконечности. Стоило ему выйти в облаке пара и благовонных заклинаний, как в ванную врывалась Софи.

– Ну-ка поглядим, что у них за договор! – ворчала она на раковину, хотя, разумеется, главной ее целью была полка с пакетами, тюбиками и горшочками. Она сняла их все до единого под предлогом выскабливания полки и большую часть дня проводила за тщательнейшей инспекцией – а вдруг все эти снадобья, надписанные «ГЛАЗА», «КОЖА» и «ВОЛОСЫ», на самом деле части девичьих тел?! Однако даже на ее придирчивый взгляд это были всего лишь кремы, порошки и краски. Если когда-то это и были девушки, думала Софи, то, должно быть, Хоул своими едкими чарами растворил их останки в раковине так основательно, что теперь и не доищешься. Она от всей души надеялась, что все это не более чем притирания.

Софи расставила все обратно и принялась скрести пол. В тот вечер, когда она пристроила свои ноющие косточки в кресле, Кальцифер проворчал, что из-за нее, похоже, иссяк один из горячих источников, – всю воду растратила на свою дурацкую уборку.

– А где они, горячие источники? – спросила Софи. Что-то в последнее время ее стало одолевать любопытство.

– По большей части под Портхавенскими Топями, – ответил Кальцифер. – Но если ты будешь продолжать в том же духе, придется мне брать горячую воду на Болотах. Когда ты наконец прекратишь уборку и займешься моим договором?

– Не торопи события, – отрезала Софи. – Как мне, скажи на милость, выудить из Хоула условия, если его вечно нет дома? Он всегда так пропадает?

– Только если ухаживает за дамой, – прошипел Кальцифер.

Когда ванная так и засияла чистотой, Софи отдраила лестницу и площадку наверху. Затем она двинулась в крошечную комнатку Майкла. Майкл, который до этого часа относился к Софи с угрюмым смирением – словно к стихийному бедствию, – отчаянно взвыл и ринулся наверх, чтобы спасти свои сокровища. Они хранились в старой шкатулке под изъеденной жучками узенькой кроваткой. Когда Майкл выхватил шкатулку из-под носа у Софи, она заметила голубую ленту и марципановую розочку, а под ними вроде бы пачку писем.

«Так у Майкла есть подружка!» – бормотала она про себя, распахивая окно – оно тоже выходило на портхавенскую улочку – и вывешивая перину на подоконник проветриться. Вспомнив, какое несносное любопытство одолело ее в последнее время, Софи здорово удивилась, что не стала расспрашивать Майкла, кто эта девушка и как он умудряется оберегать ее от Хоула.

Из комнаты Майкла Софи выгребла такую гору мусора и пыли, что Кальцифер едва не потух, пытаясь все это сжечь.

– В гроб меня загонишь! Ты такая же бессердечная, как Хоул! – кашлял Кальцифер. Из-за груды мусора виднелись лишь зеленая шевелюра да кусочек голубого лба.

Майкл сунул свою драгоценную шкатулку в ящик стола, а ящик запер.

– Ну что же Хоул нас не слушает! – сокрушался он. – Чего он так долго валандается с этой девицей?

На следующий день Софи задумала разбирать завалы во дворе. Однако в Портхавене с утра зарядил дождь, он колотил в окно и капал в трубу, и Кальцифер шипел от досады. Двор тоже был в Портхавене, поэтому стоило Софи отворить дверь, и ей в лицо брызнула вода. Софи накрыла голову передником, пошарила во дворе и, не успев вымокнуть, разжилась ведром известки и большой кистью. Она принесла добычу в дом и принялась за стены. В кладовке нашлась старая стремянка, и Софи выбелила и потолок между балками. В Портхавене лило еще два дня, но когда Хоул открыл дверь, повернув ручку зеленым вниз, и вышел в холмы, там было солнечно и по вереску, обгоняя замок, неслись тени больших облаков. Софи выбелила свой уголок, лестницу, площадку и комнату Майкла.

– А что тут стряслось? – спросил Хоул, вернувшись домой на третий день. – Как-то посветлело.

– Это Софи, – загробным голосом ответил Майкл.

– Как же я не догадался, – уронил Хоул и скрылся в ванной.

– Заметил!!! – Майкл повернулся к Кальциферу. – Наверно, девушка сдалась!

Наутро в Портхавене все еще моросило. Софи повязала голову тряпкой, закатала рукава и препоясалась передником. Она вооружилась веником, ведром и мылом, и стоило Хоулу ступить за порог, как она ринулась убирать в комнате Хоула, словно пожилой ангел с огненным мечом.

Софи откладывала это до последнего из страха что-нибудь найти. Она не отваживалась даже одним глазком заглянуть в обиталище чародея. И очень глупо, думала она, ковыляя вверх по лестнице. Ведь теперь уже очевидно, что вся сильная магия в замке – заслуга Кальцифера, черная работа достается Майклу, а Хоул разгуливает в свое удовольствие, приударяя за барышнями и эксплуатируя ученика и демона в точности как Фанни эксплуатировала ее, Софи. Хоул никогда не казался Софи таким уж страшным. А теперь она не чувствовала к нему ничего, кроме презрения.

Взобравшись наконец на площадку, Софи обнаружила, что Хоул стоит в дверях собственной спальни. Он небрежно прислонился к косяку и уперся рукой в другой косяк, перекрыв Софи вход.

– Нет, у меня убирать не нужно, – сказал он мягче мягкого. – Люблю, когда грязно.

Софи вытаращилась на него.

– Вы откуда? Я ведь только что видела, как вы уходили!

– Я специально, – промурлыкал Хоул. – Все, что вы могли сделать с Майклом и беднягой Кальцифером, вы уже сделали. Напрашивается вывод, что сегодня вы намеревались обрушиться на меня. И что бы вам ни наговорил Кальцифер, я действительно чародей. Неужели вы думаете, будто я не умею колдовать?

Все умозаключения Софи пошли прахом. Она бы не призналась в этом ни за что на свете.

– Что вы чародей, это всем известно, молодой человек, – сурово ответила она. – Однако того, что ничего грязнее вашего замка я в жизни не видела, это не отменяет.

Софи заглянула в комнату из-под свисающего голубого с серебром рукава. Ковер на полу был заляпан, как птичье гнездо. Она заметила облезлые стены и полку, набитую книгами, некоторые из которых были очень странные. Груды изжеванных сердец нигде видно не было, – судя

по всему, Хоул прятал их где-нибудь под просторной кроватью с пологом. Полог давно уже стал весь бархатисто-серый от пыли, и из-за него не было видно, куда выходит окно.

Хоул крутанул рукавом так, чтобы он оказался у Софи перед лицом:

– Но-но. Не суйте носа куда не следует.

– Никуда я ничего не сую! – возмутилась Софи. – Эта комната…

– Нет, суете, – с нажимом сказал Хоул. – Вы чудовищно любопытная, кошмарно властолюбивая и непростительно чистоплотная старая дама. Держите себя в руках. Вы отравляете жизнь всем нам.

– Но это же свинарник! – возразила Софи. – Мало ли я какая! Ничего не могу поделать!

– Еще как можете, – сказал Хоул. – Моя комната нравится мне как есть. Вам придется признать, что я имею полное право жить в свинарнике, если мне так хочется. А теперь спускайтесь, пожалуйста, вниз и придумайте себе другое занятие. Благодарю вас. Ненавижу ссориться.

Софи осталось только удалиться, шаркая и позвякивая ведром. Она была несколько ошарашена и изрядно удивлена тем, что Хоул не вышвырнул ее из замка, застав на месте преступления. Но раз уж он ее не вышвырнул, нужно было приступать к следующему неотложному делу. Софи открыла дверь у лестницы, обнаружила, что дождик почти перестал, и сделала вылазку во двор, где начала яростно разбирать груды мокрого мусора.

Раздался металлический дребезг, и снова появился Хоул, – слегка покачнувшись, он возник прямо посередине громадного ржавого железного листа, за который Софи как раз собиралась взяться.

– И здесь тоже не надо, – произнес он нарочито кротко. – Да вы же ходячий кошмар. Оставьте двор в покое. Я знаю, где тут что лежит, а если вы все приберете, то мне уже никогда не найти деталей для транспортных чар.

Ага, подумала Софи, значит, связки похищенных душ и ящики изжеванных сердец спрятаны где-то здесь. Да как он смеет ей мешать?

– Все прибирать – моя работа! – закричала она на Хоула.

– Тогда придется вам поискать новый смысл жизни, – развел руками Хоул. На какой-то миг показалось, что он и сам вот-вот потеряет терпение. Его непроницаемые светлые глаза смотрели на Софи едва ли не гневно. Но он взял себя в руки и добавил: – А теперь отправляйтесь в дом, вы, сверхдеятельная старушенция, и найдите себе другую игрушку, пока я не разозлился. Ненавижу злиться.

Софи сложила на груди костлявые руки. Ей вовсе не нравилось, когда на нее гневно смотрели глазами, похожими на стеклянные шарики.

– Конечно, вы ненавидите злиться! – вспыхнула она. – Вы ведь не любите ничего неприятного, так? Только вам что-нибудь не по душе, вы любите, чтобы раз – и в сторонку! Вы увиливатель, вот вы кто!

Хоул вымученно улыбнулся:

– Что ж, теперь мы оба знаем, кто в чем небезупречен. А теперь возвращайтесь в дом. Давайте. В дом. – И он надвинулся на Софи, помахивая руками в сторону двери. Колышущийся рукав зацепился за какую-то ржавую железяку и с треском порвался. – Проклятье! – высказался Хоул, подбирая серебристо-голубые обрывки. – Вот до чего вы меня довели!

– Я зашью, – предложила Софи.

Хоул снова наградил ее стеклянным взглядом.

– Опять вы за свое, – произнес он. – Надо же, как иным людям нравится выслуживаться! – И он медленно пропустил разорванный рукав между пальцами правой руки. Голубая с серебром ткань выходила из пальцев целехонькой. – Вот, – сказал Хоул. – Понятно?

Софи попятилась в дом, чувствуя себя словно ребенок, которого поставили в угол. Чародеям не надо работать, как всем. А Хоул ясно показал ей, что он чародей, с которым стоит считаться.

– Что же он меня не выгонит? – проговорила она, обращаясь наполовину к себе, наполовину к Майклу.

– Ума не приложу, – отозвался Майкл. – Думаю, это он ради Кальцифера. Просто все, кто сюда попадает, или не замечают Кальцифера, или боятся его до икоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.